

Рафаэль Май

ЮРИСДИКЦИЯ НЕБЕС

Молекула души

16+

Рафаэль Май

**Юрисдикция небес.
Молекула души**

«Автор»

2015

Май Р.

Юрисдикция небес. Молекула души / Р. Май — «Автор», 2015

Ничем непримечательный день заканчивается неожиданно для Патрика. Уснув в объятиях своей супруги, он оказывается в незнакомом месте, где ему сообщают, что он умер. Однако поднебесный мир, именуемый Юрисдикцией небес, оказывается совершенно иным, нежели он себе представлял. Надеясь получить ответы на все вопросы, которые он задавал себе еще при жизни, он сталкивается с тем, что загадок после смерти становится лишь больше. А спустившись на самый низкий из всех уровней Юрисдикции небес, он и вовсе узнает, что на самом деле не умирал. И теперь ему предстоит выяснить, как и почему он оказался по ту сторону жизни раньше времени...

© Май Р., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Рафаэль Май

Юрисдикция небес. Молекула души

* * *

Как обычно, в пятницу не обошлось без ужина с Чарльзом и Моникой. Мы с Лорин задержались и вернулись домой только к полуночи и, выпив по стакану воды, сразу же отправились в спальню: завтра была долгожданная суббота, в которую мы планировали отправиться на озеро Тахо, чтобы провести четыре дня вдвоем вдали от всех с выключенными сотовыми телефонами.

– Спокойной ночи, милый, – шепнула она мне на ухо.

– Спокойной ночи, – я поцеловал ее, как обычно, в мочку уха, чтобы снова увидеть ее улыбку. – Я люблю тебя...

– И я тебя, – шепнула она устало и, положив свою голову мне на грудь, нежно поцеловала ее.

Я носом зарылся в ее волосы, которые, как обычно, пахли макадамией. Глаза слипались, но я почему-то сопротивлялся сну, почти окутавшему мое сознание.

Все было, как обычно. Как обычно, безупречно...

* * *

Я уснул...

* * *

Я почувствовал легкость... Безупречную невесомость. Такую, какую никогда не испытывал... А вместе с этой легкостью и скорость. Такую, какую не развивают ни автомобили, ни самолеты... И силу... Такую мощную, что найти силы, противодействующей ей, было невозможно...

Глава 1

* * *

Я открыл глаза. И не увидел ничего из того, что должен был увидеть. Ничего из того, что могло бы напоминать мне о моей жизни. Рядом не было и Лорин, которую я обнимал перед сном. Не было абсолютно ничего. Я испугался.

* * *

Я видел лишь свет, которого было так много, что от него искрился туман. Наконец, вдали я услышал голоса, один был особенно громкий. Это был женский голос. До сегодняшнего дня мне совершенно не знакомый.

– Эй! – крикнул я и сам чуть не оглох от пронзительности своего визга. Звук в пустоте казался значительно громче.

– Отзовитесь кто-нибудь! – я убавил громкость своего голоса, но звук все равно был таким же оглушительным.

Тогда я шепнул:

– Кто-нибудь слышит меня? – мой шепот снова отозвался эхом, но от него уже не звенело в ушах.

Я совершенно ничего не видел, я не видел даже себя.

– Ну что за привычка орать, – слышалась чья-то недовольная интонация...

* * *

Свет начал меркнуть. И я начал различать очертания чего-то, но чего именно я пока не понимал.

– Новенькие почему-то всегда жутко кричат, – голос стал еще более отчетливым.

Я почувствовал тепло сзади себя и обернулся.

– Добро пожаловать! – голос буквально навис у меня над ухом.

Я снова обернулся.

– Эй, ладно тебе, я сзади, – надо мной словно кто-то подшучивал.

Я сделал последний оборот вокруг своей оси и, наконец, увидел ее:

– Привет, – она снова поздоровалась. – Ты нас чуть не оглушил своим воплем. Сдержанность тебе не повредит. Особенно здесь.

Девушка была необычайно... Необычайно красивой... Но силуэт оказался прозрачным...

– Здесь это где? – единственное, что я смог выдавить из себя.

– Здесь, – она сделала паузу, немного ухмыльнувшись. – В Юрисдикции небес...

– Я умер? – я начал осматриваться, когда свет перестал меня слепить.

– Совершенно верно, – она повернула голову налево, а затем устремилась вперед. Пучки света стали словно комкаться, а затем снова равномерно рассеивались, открывая мне видимость.

Я увидел божественные цвета. Цвета нежности... Цвета жизни... Множество струящихся и переходящих друг в друга оттенков, смывающих границы между землей и небом. Божественные бесконечные формы. Здесь не было горизонтов... Отсутствовало видимое и невидимое. Все невидимое, даже бесконечность, становилось осязаемым.

– Умер? – повторил я свой вопрос, не переставая разглядывать все, что видел вокруг. – Но как?

– Пока не знаю, – она пожала плечами. – Потом заглянем в карту твоей судьбы.

– Карту судьбы?

– Где Эрнест?! – крикнула она вслед кому-то. – Нет времени объяснять. Здесь как ты видишь, нет границ. Безгранично пространство. Безгранична палитра. Скорость. Безграничны сила и время. Здесь, но не в том мире, который мы обслуживаем и снабжаем.

– Снабжаете? – переспросил я.

– Эрнест! – она ускорила, а вместе с ней и я. Меня словно толкнула сама мысль, придав мне ускорение. Я не успел даже ничего разглядеть. Лишь когда я остановился, я осознал, что за семь секунд я преодолел порядка семидесяти миль.

– Я же предупреждала тебя, что тебе нужно будет встретить Себастьяна! – она явно была недовольна.

– Но я не Себастьян! – я возмутился.

– Вот видишь, к чему приводит твоя безответственность, Эрнест! – она стала копаться в какой-то папочке. – Мало того, что мне приходится отвечать на кучу вопросов, которые возникают у Стажера. Вдобавок...

– Стажера?! – я совсем ничего не понимал.

Эрнест был недоволен не меньше моего.

– Шарлотта, тогда нужно тщательней организовывать мою смену, – он всучил ей в руки что-то, что мне напомнило пропуск. – Я проводил для стажеров экскурсию на третьем уровне, которую, кстати говоря, организовывала ты. Не мне тебе объяснять, насколько далеко находится третий уровень! И смею заметить, это не я напросился, а ты из всего штатного расписания выбрала именно меня. Так что будь добра, избавь меня от выслушивания твоих претензий.

– Знакомьтесь, Патрик, – Шарлотта, имя которой я только что узнал, не стала продолжать терки. – Это ваш Куратор – Эрнест, а вы с сегодняшнего дня – Стажер. Вы будете прикреплены к нему до прохождения аттестации, по итогу которой будете зачислены к нам в штат.

Она замолчала.

– Эрнест, прошу любить и жаловать, – ее взгляд буквально пронзил его молнией. – Надеюсь, в этот раз ты все же подойдешь к порученному делу со всей ответственностью. Я думаю, тебе не стоит напоминать, какое дисциплинарное наказание тебя ждет в случае невыполнения ваших должностных обязанностей.

– Не будь выскочкой, Шарлотта, – он вырвал у нее из рук какой-то футляр. – Я попрошу привилегий за переработку. И в ближайшие тридцать дней не ставь меня на смену гидом. Иначе я накатаю на тебя жалобу, и тогда дисциплинарное взыскание будет ждать тебя, а не меня!

Шарлотта не услышала и половины, из того, что он кричал ей вслед. Нетрудно было заметить, что она демонстрировала к нему какое-то пренебрежение.

– Третий уровень?! Стажер?! Куратор?! Аттестация?! И кто такой Себастьян?! – перечислял я все, что сумел запомнить из их диалога. – Может, меня кто-нибудь все-таки посветит, что со мной случилось, какого черта я здесь делаю, и что вообще здесь происходит?!

– Хм, – он покачал головой. – Мне нужно передохнуть хотя бы пять минут. Я жутко устал. Я просто смотрел на него, ожидая, что он прикажет делать мне, пока сам будет отдыхать.

– Знаю-знаю, – он снова покачал головой. – Ты совершенно не ожидал, что умрешь именно сегодня. И уж совершенно точно, не таким представлял этот мир.

– Да!

– Знаешь, когда я был на твоём месте, а я был на твоём месте пару лет назад, у меня были такие же скверные чувства, как и у тебя, так что можешь не объяснять, что ты сейчас испытываешь, – Эрнест сел и открыл футляр, который отнял у Шарлотты.

– Что у тебя в руках? – я расположился рядом с ним.

– Это досье на твою душу, – он достал из него какой-то листок.

Я лишь успел ухватить название каких-то корпусов, складов и секторов. Эрнест снова сложил листок и положил обратно в футляр.

– Это что учет плохих и хороших дел? – я ухмыльнулся, хотя был почти уверен, что мое предположение верно.

– Нет, в Юрисдикции небес, никто не ведет подобного учета, – Куратор ухмыльнулся мне в ответ, видимо, он не раз слышал подобные предположения. – Здесь это ни к чему.

– Ни к чему? Разве? А как же рай и ад?

– Рая и ада нет, Себастьян! Есть только Юрисдикция небес!

– Я не Себастьян!

– А это не рай! – он был немногословен для куратора.

– Тогда что за досье на меня?

– Это сведения о том, где хранится образец молекулы твоей души, карта судьбы и имя Наставника твоей души, – Эрнест встал и отправился туда, где я встретил Шарлотту. Мне ничего не оставалось, как следовать за ним.

Если я уже почти привык к той невесомости, которую теперь олицетворяла моя сущность, то никак не мог привыкнуть к тому, что теперь меня могла перемещать одна лишь мысль, которая здесь приобретала просто какую-то незыблемую силу.

– Итак, обычно, я начинаю свою экскурсию по Юрисдикции отсюда, – Эрнест, наконец, остановился. – Не буду изменять своей традиции и сегодня, несмотря на то, что ты уже и успел кое-что увидеть.

Я приготовился внимательно слушать. Мне не хватало только ручки и тетради, чтобы снова почувствовать себя, как в студенческие годы. Только я никак не предполагал, что мне придется снова учиться только уже на том свете.

* * *

– Начну с заученной фразы, – Куратор буквально взмыл в воздухе, разведя руками в разные стороны. – Перед Вами открывается потрясающий вид на самый высокий из доступных уровней Юрисдикции небес. Это седьмой уровень. Меня зовут Эрнест, и я буду вас сопровождать до первого уровня, а если понадобится, то и до нулевого. Но я все же надеюсь, что этого не потребуются.

– Я здесь один, можешь обращаться, ко мне на «ты», – Эрнест сейчас мне больше напоминал шута, но никак не гида или Куратора, но лучшего я выбрать не мог.

– Само собой, но сзади тебя стоят еще три новичка, – он махнул головой. Я повернул голову назад и увидел еще нескольких человек, или душ, или сущностей. Теперь я уже не знал, как правильно нас всех называть. Они так же, как и я, несколько минут назад, пытались понять, где находятся.

– Я думал, к тебе прикреплен только я, – я слегка смутился.

– Разумеется, это было лишь показательное выступление, – Эрнест спустился вниз. – У них будут свои Кураторы. Вас будут объединять в группы позднее, когда у вас уже будет достаточно знаний об этом мире, чтобы легко в нем ориентироваться.

– Я рад.

– Я тоже рад, по крайней мере, нянчиться с одним гораздо легче, чем с группой.

– Со мной не придется нянчиться.

– Ну что ж, я надеюсь, – Эрнест улыбнулся кому-то из трех проходящих мимо молодых особ, которые кстати были не менее привлекательны, чем Шарлотта. – А вот и их Кураторы. Я оценивающе посмотрел на них.

– Только не нужно задавать вопросы, почему им достались молодые красотки, а тебе я, – Эрнест повернулся ко мне спиной и устремился вперед.

– Кстати почему? – спросил я.

– Я думаю тебе нужно отблагодарить Шарлотту, эту занозу, – в голосе Эрнеста что-то менялось, когда он произносил ее имя. – Вообще, как правило, в качестве Кураторов назна-

чают молодых особ, которые сами недавно были стажерами, но Шарлотта убеждена, что у меня слишком мало работы, поэтому периодически подкидывает ее мне.

– Вы на дух друг друга не переносите? – поинтересовался я.

– Она, судя по всему, да. А меня лишь раздражает ее отношение ко мне. Не более, – его тон изменился. – Итак, вернемся к тому, с чего начали...

– Ты сказал, седьмой уровень – это самый высокий из доступных? Есть еще уровни? – я начал задавать вопросы. – А еще мне интересно, почему мы не поднимаемся, а, напротив, спускаемся по этим уровням.

– Ну, – Эрнест развел руками. – Как бы парадоксально, это ни звучало, но, умирая, душа попадает на самый высокий уровень. Душа, которой предстоит заселиться в тело, напротив, с этого уровня спускается, пока не оказывается на первом. Нулевой уровень, не относится к Юрисдикции небес, это уже мир живых людей.

– А что на восьмом уровне? – я не мог унять любопытство.

– Восьмой уровень – следующий, но, возможно, не последний, – Эрнест поднял брови. – На восьмом уровне – Резиденция Высшего разума. Но на нем и всех последующих, если они существуют, никто из тех, кто находится на уровнях ниже, никогда не бывал. Мы не – ангелы, не сущности и, наверное, уже не души...

– А кто же?

– Этого я не знаю, – Эрнест замолчал, пытаясь подобрать слова, но так и не найдя нужных, продолжил. – Мы служим и миру людей, и Резиденции Высшего разума. Двойная субординация. Мы, как сервисная мастерская. Как слуги. Ну, по крайней мере, мне так кажется.

– Какой же ты Куратор, если не знаешь ответы на такие вопросы? – я возмутился.

– Я дал тебе самый развернутый из возможных ответов, так что благодари за него, – Эрнест скучился. – Те девочки вряд ли бы и так тебе ответили.

– Что значит «Стажер», «Куратор»? Что за аттестацию я буду проходить?

– Ты задаешь вопросы, которые рано задавать. Я, конечно, могу ответить на них, но едва ли ты поймешь ответ, если не знаешь иерархии уровней Юрисдикции небес да и, собственно, вообще ничего о ней не знаешь...

– Ну а ты попробуй ответить так, чтобы я понял, – я не уступал.

– Ты новичок без знаний и опыта, а, значит, ты Стажер. Чтобы получить знания, к тебе и представили меня, Куратора или Наставника. Называй, как тебе больше нравится. Я дам тебе необходимые знания. По итогу своего обучения ты будешь проходить аттестацию, которая и определит, пригоден ли ты к работе в Юрисдикции небес. Тебе будет присвоена квалификация, в соответствии с которой ты отправишься на один из уровней и будешь исполнять свои должностные обязанности в соответствии с должностной инструкцией. Ты будешь иметь возможность повышать свою квалификацию. Ты также можешь отказаться от прохождения итоговой аттестации, в этом случае через сорок дней ты станешь ничем, то есть вторичным сырьем, которое пойдет в переработку. То же самое произойдет, если ты не сдашь экзамен, то есть провалишь аттестацию. В любом случае выбор за тобой...

– Что значит через сорок дней стану ничем? Вторичное сырье? Что это? – вопросы возникали сами собой.

– К этому вопросу мы вернемся, когда я буду показывать тебе бассейн вторичного сырья, – Эрнест посчитал, что на этот вопрос отвечать слишком рано. Я, в свою очередь, не стал возражать. А поскольку больше мне спросить было нечего, я просто следовал за ним, молча рассматривая красоты мира, которого раньше не видел.

Здесь всего было в избытке. Больше всего меня удивляли цвета. Весь мир был словно залит радужной заливкой, и от света, которого здесь было в излишке так же, как и оттенков, все в буквальном смысле искрилось.

Архитектура здесь была чересчур изменчива, но всегда причудлива. Она словно подстраивалась под цвета, которые изменялись под интенсивностью света. Ее пластика, подвижность и сферичность постоянно меняла экспозицию по мере того, как мы пересекали территорию седьмого уровня. Вычурные гигантские, а иногда безразмерные формы архитектуры казались сильными и одновременно хрупкими. Одни словно висели в воздухе, а другие вздымались то вверх, то опускались вниз. Часть из них величественно возвышалась над другой, другая отличалась заметным непостоянством, меняя то свою форму, то свое положение. Арочные башни словно упирались в небо, в котором они отражались как в воде, но уже в других преломленных цветах. Вдалеке в цветной пучок света врезалась помпезная винтовая лестница, которая, как я предположил, вела на тот самый восьмой уровень. А рядом с ней спиралевидная ассиметричная башня, на ее крыше размещалось что-то вроде выхлопной трубы, из которой исходил свет. Оттуда, где мы были, дальше этой башни ничего не было видно.

– Итак, – голос Эрнеста меня отвлек, – еще раз повторюсь, это седьмой уровень – уровень, на котором размещается инфраструктурное производство молекул душ.

– Инфраструктурное производство? – я подумал, что ослышался.

– Именно, инфраструктурное, – Эрнест снова произнес это слово. – Идем за мной, ты все сейчас увидишь сам.

Нам отворили огромную дверь, где мой Куратор показал свой пропуск, которым служил какой-то кулон с изображением рун.

– Итак, я надеюсь, мне не придется напоминать, что инфраструктура – это снабжающее производство, которое обеспечивает всем необходимым, – Эрнест отворил еще одну дверь, за которой мы оказались у семи огромных бассейнов, наполненных светом еще более ярким, чем тот, что был снаружи. Интенсивность света в бассейнах была разная: в первом, возле которого оказались мы, пожалуй, – самый яркий, а в самом последнем – наиболее тусклый.

– Это бассейны вторичного сырья, – Эрнест не стал делать остановку, видимо, хотел успеть еще многое показать. – В них оказываются все, кто...

– Становятся ничем? – я подошел поближе, чтобы внимательнее разглядеть содержимое этого бассейна, но ничего кроме света не увидел.

– Совершенно верно! Быстро схватываешь! – подтвердил Куратор. – Душа странствует по земле около сорока дней, после чего она становится ничем... А как только она становится ничем, она прибывает сюда, на переработку.

– Ничего не понимаю, – я никак не мог состыковать те теории и байки переселения душ, которые не раз слышал при жизни, с тем, что видел сейчас. – А почему я оказался здесь сразу? Мне ведь полагалось сорок дней. Правильно я понимаю?

– Да, совершенно верно, – Эрнест готов был ответить и на этот мой вопрос. – Юрисдикция небес постоянно нуждается в кадрах. Ежедневно среди умерших душ проводится отбор методом случайной выборки, по итогу которой определяется, кто будет слоняться еще сорок дней в мире живых, а потом станет вторичным сырьем, а кто окажется здесь, лишив себя такой участи. Так что считай, что тебе повезло не оказаться чуть больше, чем через месяц, в одном из этих бассейнов.

– Я бы предпочел еще хотя бы пару дней побыть с моей любимой Лорин, а потом стать ничем, – если бы я мог дышать, я бы вздохнул.

– Я понимаю тебя, как никто другой, – уверил меня Эрнест и сразу же вернулся к изначальной теме, чтобы избежать вопросов. – Обрабатывать вторичное сырье необходимо как можно быстрее, поскольку души сохраняют свои полезные свойства в течение всего лишь семи часов, после того как они оказываются здесь. Поэтому бассейнов всего семь. Это сделано, для того, чтобы было легче организовывать работу цеха расщепления, в котором мы окажемся буквально через несколько мгновений.

Я качал головой, словно отрицая все то, о чем мне теперь рассказывал Эрнест.

– Молекула души состоит из нескольких элементов. Самые ценные – это знания, опыт, мудрость, приобретенные качества, – Эрнест не оставлял попыток мне все объяснить. – В течение семи часов, подвергнув молекулу души расщеплению, все эти элементы можно отделить друг от друга. Потом они же будут использоваться для синтеза новой молекулы души, обладателем которой станет кто-то из людей.

Я не мог поверить, что моя душа является продуктом расщепления и синтеза каких-то молекул.

– Это все равно, что ты собираешься приготовить фруктовый салат с апельсином, на который у твоей жены аллергия, – Эрнест не унимался. – И вместо фруктового салата порезанного ломтиками, из которого твоя жена могла бы отделить кусочки апельсина, ты подаешь фруктовое пюре, приготовленное в блендере. Усек?

– Кажется. Ты был поваром? – предположил я.

– Неужели это так очевидно? – Эрнест ухмыльнулся. – Никогда не забуду тот день, когда я приготовил этот чертов салат. У моей жены тогда был отек Квинке.

Мы оба рассмеялись.

– Поэтому в цехе расщепления работа ведется круглосуточно, никогда не останавливаясь. В противном случае, знания, опыт так же, как и сама молекула души, станут ничем... Следуй за мной дальше.

Я покорно плелся за Эрнестом, пока мы снова не оказались у большой двери, которая отворилась сразу же, как только он показал свой пропуск.

* * *

Цех расщепления размещался на нескольких этажах, которые нависали над основным. В нем трудились более тысячи таких же, как и мы с Эрнестом.

На огромных столах стояли какие-то приборы, а напротив каждого стола располагались высокие полки, состоящие из множества ячеек с колбами.

– Привет, Август! – Эрнест поздоровался с кем-то, затем обратился к девушке, сидевшей на своем рабочем месте. – Милая, передохни пару минут.

Она молча удалилась, освободив нам место.

– Итак, в основе работы на этом этапе лежат примерно одни и те же принципы, которыми стоит руководствоваться.

Эрнест заглянул во что-то, что издавала наподобие микроскопа, затем кивнул головой, разрешив мне заглянуть туда же, а сам принялся искать какую-то колбу на полке.

Я посмотрел и увидел нечто более совершенное из всего того, что мне уже довелось увидеть. Это была та самая молекула души, про которую рассказывал Эрнест.

– Видишь эллипсоподобную сферу? – он, наконец, нашел нужную ему колбу.

Я молча кивнул головой, не отрывая своего взгляда.

– Это атом или капсула мудрости, – заверил Эрнест. – Все, что нам требуется, это разрушить связи ее с молекулой души. А для этого мы воспользуемся одним правилом, которое, наверняка, тебе известно.

– Какое же?

– Плюс притягивает минус. – Эрнест показал колбу, повернув ее ко мне названием. – Это правило в сочетании с принципом ловушки при наличии ловкости и опыта поможет быстро отделить капсулу мудрости от молекулы души.

– Капсула глупости? – прочитал я с вопросительной интонацией.

– Именно, – подтвердил он. – Можно было, конечно, воспользоваться и капсулой «недалекого ума», но ее я, к сожалению, здесь не нашел. Поэтому обойдемся простой глупостью...

Он взял с нижней полки пустую сферу, сказав:

– А это та самая ловушка.

Я уступил ему место, а он мне показал, куда смотреть, чтобы наблюдать за процессом.

– Сюда вставляем сферу, а сюда, – он указал на цилиндрическое отверстие, – мы будем добавлять капсулы глупости до тех пор, пока притяжение не станет настолько сильным, что молекула души сама не вытолкнет капсулу мудрости, чтобы сохранить себя в целости... Готово.

Все произошло именно так, как сказал Эрнест.

– Быстро, – я был слегка удивлен.

– Быстро, потому что я проработал здесь почти полгода, – сказал он самодовольно.

– Так всегда? – уточнил я.

– Сложнее со знаниями, – он снял и положил колбу на место, а сферу с капсулой мудрости в контейнер, лежащий рядом. – Там нельзя руководствоваться ни принципом притяжения, ни принципом ловушки. Единственный способ отделить знание от молекулы души – это использовать принцип вытеснения. Для этого необходимо воздействовать на капсулу знания таким образом, чтобы она уменьшалась, до тех пор, пока знанию не станет в ней слишком тесно, в этом случае знание займет свободную капсулу.

– Я хочу посмотреть, – ответил я.

– Сегодня по расписанию нет практических занятий, – Эрнест велел девушке вернуться на свое место. – Возможно, потом я дам тебе пару практических уроков, или попрошу кого-нибудь их провести. В самом крайнем случае, я расскажу тебе, где обо всем можно прочитать. А сейчас у нас слишком мало времени, поэтому не стоит застревать здесь. Поверь мне, на седьмом уровне есть места куда более интересные, чем цех расщепления. Поэтому мы проследуем с тобой в стоковую зону складов, куда отправляются все продукты разложения.

* * *

Я шел за Эрнестом молча, оставшись наедине со своими мыслями, генерировавшими поток вопросов, которые мне не терпелось задать. Вместе с тем, это мне совсем не мешало изучать местный ландшафт, который не переставал меня удивлять.

– Итак, это сток знаний, – Эрнест снова показал свой пропуск, после чего нам отворили дверь.

Он обогнал меня и встал ко мне лицом, разведя руки. Я стал крутить головой по сторонам: здесь были такие же полки, как и в цехе расщепления, только количество ячеек в них исчислялось тысячами. Полки облепили работники Юрисдикции небес, которые искали нужные им капсулы.

– Этот склад разделен на две зоны. Первая, в которой мы сейчас с тобой и находимся – зона вторичного знания, то есть того, что получено в результате переработки молекулы души. Справа от тебя – знания аналитических наук, слева – гуманитарных и эзотерических.

Он достал две капсулы и одну кинул мне в руки, едва я успел ее поймать.

– В капсуле знания размещаются с дозировками, – он повернул свою капсулу и прочитал вслух. – Математика – семьдесят процентов... Хм, в сочетании с капсулой аналитического ума хотя бы в процентов шестьдесят, кто-то будет щелкать математические задачки, как орешки. Что у тебя?

– История – восемьдесят пять процентов, – прочитал я вслух.

– Тоже неплохо. Мальчику или девочке будет достаточно и школьной программы по истории, чтобы написать энциклопедию.

Он положил капсулы на место. Состоящие в штате Юрисдикции небес облепили полки в поисках требуемых капсул с нужной дозировкой.

– Знания располагаются здесь по секторам: математика, физика, химия, биология, история, литература и так далее... Но куда интересней, на мой взгляд, вторая зона.

– Что в ней?

– Вторая зона – это зона Вселенского знания.

Через пару минут мы уже были в ней. Количество полок и ячеек здесь исчислялось не тысячами, а миллионами.

– Впечатляет, – я не стал скрывать своего удивления, когда, запрокинув голову наверх, увидел, что полки утопают в небесном свете.

– Еще бы, – согласился со мной Эрнест. – Секторов здесь побольше будет. Но самое интересное – в скрытом отделе, которых находится под круглосуточной защитой. Там содержатся знания, которые пока никому недоступны, даже нам. В данный сектор ни с этого уровня, ни тем более с уровней ниже никак не попасть. Доступ есть только у тех, кто находится на восьмом уровне.

Я начал читать их названия прямо вслух, пропуская мимо ушей слова Эрнеста.

– Да, кстати, знания в этом секторе обладают значительно лучшим качеством, нежели в предыдущем, – заверил он меня.

– Почему?

– Капсулы вселенского знания свободны от примесей, – Эрнест сам разглядывал полки, как будто был здесь в первый раз, видимо, он сам еще не смог привыкнуть к подобным масштабам. – Знания, как правило, получают из опыта, а опыт сохраняется в памяти. Поэтому обладателей вторичных знаний зачастую мучают мнимые воспоминания из прошлых жизней, хотя на самом деле это не прошлая жизнь, а часть тех знаний, которыми наделили молекулу души.

– Теперь, кажется, я понял, – я услышал лишь последнюю фразу.

– Нам нужно двигаться дальше, иначе не успеем все посмотреть, – Эрнест отправился к двери, через которую мы вошли.

– Ты куда? – спросил я, подумав, что он возвращается обратно.

– Нам лучше сократить путь, движение по зоне Вселенского знания займет больше получаса даже с нашей скоростью передвижения.

Несмотря на то, что мне больше всего хотелось увидеть, что находится в скрытом секторе, мне ничего не оставалось, как слушать своего Куратора.

* * *

– Пожалуй, это место я люблю больше всего. – Эрнест улыбнулся. – Это склад капсул личностных качеств. Словом, если творчество где-то и начинается в Юрисдикции небес, то именно здесь.

Я улыбнулся в ответ.

– Мы сейчас в секторе интеллекта, – он продолжил. – Верхняя сотня – это капсулы гениального интеллекта, чуть ниже – незаурядного. Третья и четвертая сотня – капсулы с гуманитарным складом ума. Две последующие – с аналитическим. Чуть ниже – капсулы недалекого ума заурядного человека. Еще ниже капсулы, заполненные менее двадцати процентов.

Прикинув соотношение капсул, я предположил:

– Умные люди, судя по всему, не особо пользуются спросом.

– Ты почти прав, – Эрнест не стал со мной спорить. – Однако любая из капсул не заполнена более, чем на восемьдесят процентов. Остальные двадцать душа должна наполнять самостоятельно в течение жизни.

Я покачал головой и тут же пошутил:

– Обладателям интеллекта из капсулы с нижней полки долго придется ее наполнять...

– Дальше сектор силы воли, – продолжал Эрнест. – Наверху – всегда победители, чуть ниже – неутомимые борцы, еще ниже – нацеленные на результат, затем – неунывающие, ну и так далее по степени убывания. Еще дальше сектор лидерства, там всего две секции: ведущие и ведомые. Четвертый сектор – капсулы оптимизма, там тоже только две секции – оптимисты и пессимисты. Затем сектор темперамента: сангвиники, холерики, флегматики и меланхолики. Словом, можно перечислять и перечислять. Все изобилие качеств, даже тех, о которых ты раньше и не слышал. Если покопаться, можно найти много интересного.

– И здесь есть дозировки? – поинтересовался я.

– Конечно, – Эрнест подошел к полке. – Причем не просто указана дозировка, а еще приложена инструкция. Это особенно важно, когда молекула души синтезируется для решения каких-то важных задач.

Я подошел и прочитал одну из инструкций к капсуле: «Неутомимые борцы. Обладатели подобных душ никогда не будут сдаваться. В отличие от «всегда победители» они будут как одерживать победы, так и терпеть неудачи. Но каждая неудача будет генерировать мощный поток воли, гораздо больше того, что будет воспроизводить одержанная победа. Поэтому за каждой неудачей обладателя подобной души будет следовать победа. Эти люди никогда не будут унывать или злиться из-за поражений, а лишь с полной самоотдачей отдаваться достижению недостигнутой с первого раза цели».

– Инструкции довольно подробные, пожалуй, здесь будет сложно ошибиться, – сказал я.

– Тем не менее, ошибки бывают, – уверил Эрнест. – Нам пора на следующий склад.

– Сколько их еще? – я помнил, что он говорил, что их около сотни, и я не был готов обойти их все.

– Я покажу тебе еще три, – Эрнест, видимо, не собирался отклоняться от плана, поэтому незамедлительно проследовал к сквозному выходу, который должен был привести нас к третьему стоку.

* * *

Мы оказались внутри третьего стока, в котором были капсулы разного размера также с указанием дозировки, но чего именно я пока не понимал.

– Это капсулы свободного выбора, – сказал Эрнест.

– Свободного выбора? – переспросил я.

– Именно, – он взял одну из них. – Чем она больше, тем меньше человек зависим от своей судьбы.

– От судьбы? – я еще слишком мало знал, чтобы понимать суть всех взаимосвязей, про которые мне рассказывал Куратор.

– Подробней о судьбе я тебе расскажу на три уровня ниже, тогда ты все поймешь, – Эрнест взял в руку капсулу большего размера. – Здесь тебе необходимо запомнить и усвоить лишь одно правило – дозировка свободного выбора определяет, насколько душа сможет отклониться от курса, заданного ее картой судьбы.

– Правильно я понимаю, что у души всегда есть выбор? – поинтересовался я.

– Всегда, но до тех пор, пока не будет израсходовано содержимое капсулы, – Эрнест поставил капсулу на место. – Поверь мне, души, обладающие большим, а иногда и вовсе неограниченным запасом свободного выбора, реализуют свое право на распоряжение своей судьбой гораздо реже, а часто и вовсе не реализуют, чем души, обладающие свободой выбора с дозировкой не более десяти процентов.

– Но...

– Важно так же и то, что, расходуя право свободного выбора нерационально, душа рискует остаться без такого права именно тогда, когда оно больше всего ей потребуется, – Эрнест замолчал и внимательно посмотрел на меня. – Если у тебя нет вопросов, мы продолжим дальше.

Я решил приберечь их, поэтому отказался его спрашивать.

* * *

– Здесь не так интересно, как на предыдущих стоках, однако не показать тебе его я не могу. – Эрнест сделал паузу. – Здесь нет ничего, кроме пустых капсул.

– Почему? – спросил я. – И почему они все одинакового размера?

– Потому что эти капсулы должна наполнить сама душа, а чем она наполнит их и наполнит ли вообще, а если и наполнит, то насколько, никто не может сказать, – Эрнест кинул мне капсулу. – Это единственное, что находится вне компетенции Юрисдикции небес.

– Вот чего я совсем не ожидал увидеть, так это пустые капсулы, – я покачал головой.

– А хочешь узнать, почему это находится вне компетенции Юрисдикции небес? – спросил Эрнест и, зная, что на его вопрос непременно последует утвердительный ответ, тут же продолжил. – Потому что даже здесь никто не может ответить на вопрос, каким образом душа воспользуется правом свободного выбора, в результате которого пустые капсулы могут наполниться чем угодно.

– Зачем же тогда предоставлять право свободного выбора?

– Затем, что если это право не предоставить, душа в результате своей жизни ничего не приобретет: ни новых знаний, ни новых качеств. Абсолютно ничего, – Эрнест развел руками. – Юрисдикция небес заинтересована в том, чтобы содержимое души при жизни наполнялось, а после жизни можно было получить новые продукты расщепления молекулы души. Это обеспечивает воспроизводство душ, которое до сегодняшнего момента всегда функционировало бесперебойно.

Я сморщился. Я никак не мог привыкнуть к тому, что Юрисдикция небес – потустороннее государство.

– Это самое начало, – Эрнест словно услышал мои мысли. – То, что ждет тебя на уровнях ниже, удивит тебя куда больше, чем то, что ты уже увидел здесь.

– Куда уж больше, – я недовольно покачал головой, словно вслух произнес фразу «хватит, я уже посмотрелся». – Наверное, я все-таки предпочел бы стать ничем, чем увидеть все это.

– Я тоже, – Эрнест повернулся ко мне спиной. – Пойдем, я покажу тебе библиотеку.

– Постой, – меня, безусловно, удивило слово, которое я услышал, но на тот момент меня беспокоило нечто иное. – Ты же сказал, что ты покажешь мне еще три стока. Я увидел только два.

– Со складами на сегодня хватит, – Эрнест говорил со мной, не оборачиваясь. – Я провел тебя по основным. Через пару часов у меня легучка на третьем уровне, на которую мне нельзя опаздывать, а я тебе еще многого не показал.

Я снова не стал спорить, просто потому что у меня не было никаких аргументов, а нападать, будучи безоружным, я не любил ни при жизни, ни после нее. Поэтому я догнал Эрнеста и, следуя за ним, продолжал привыкать к мысли, что я умер.

* * *

– Это библиотека, – Эрнест с кем-то поздоровался между слов. – Здесь ты вряд ли найдешь Сидни Шелдона или Дэна Брауна. Но здесь много книг, которые будут куда полезнее, нежели литература того мира.

– Например?

– В абонементе научной литературы – есть учебные пособия по расщеплению и синтезу молекул душ, в них подробно в картинках показаны все технологии, которые используются в Юрисдикции небес, – Эрнест гулял между высокими книжными полками. – Есть здесь и периодика – журналы и газеты, которые выпускаются раз в месяц. Обо всех самых интересных и громких событиях и слухах любого из уровней можно узнать из Вестника Юрисдикции небес. Здесь это все равно, что «Нью-Йорк таймс» в Штатах.

Я взял в руки один из этих вестников и прочел заголовок «Поиски Виктора продолжают». Я перевернул страницу и прочитал первые две строки статьи: «Очевидцы утверждают, что видели Виктора в тренировочном лагере на третьем уровне»...

– Хотя я sluкавил, – Эрнест всучил мне в руку какой-то том.

– То есть?

– В абонементе литературы нулевого уровня можно найти Шекспира, Вольтера, Гюго, Пушкина, Толстого, – перечислял мой куратор. – Если ты не успел прочитать что-то из классики, можешь пользоваться этим абонементом.

Я прочитал вслух название книги, которую дал мне Эрнест: «Шолохов «На дне»».

– Эту книгу начинают читать многие после того, как побывают на пару уровней ниже. Так что лучше спрячь ее где-нибудь, иначе потом можешь просто не найти ее здесь, – посоветовал Эрнест.

– Ты же сказал, здесь не найти литературы мира живых душ.

– Я забыл, – Эрнест покачал головой. – Этот абонемент сделали совсем недавно. Здесь не так много книг. Только те, что признаны не только на земле, но и в Юрисдикции небес.

– Хм...

– А это абонемент паломнической литературы, – Эрнест показал на вывеску.

– Какой? – переспросил я.

– Паломнической, – повторил он. – Многие, отбывая здесь срок или делая остановку на пути к восьмому уровню, оставляли свои воспоминания. Творили и те, кто при жизни, не воспользовавшись правом свободного выбора, лишили себя возможности заниматься тем, чем хотели. Это в основном писатели, которые так ими не стали, будучи погребенными обстоятельствами поднебесного мира. Здесь можно найти и мемуары тех, кто работает тут уже много лет...

– Накопилось на целый абонемент? – я усмехнулся.

– Да, – ответил он утвердительно. – Я бы посоветовал тебе почитать «Воспоминания Виктора».

– Виктора? – переспросил я, вспомнив, что видел это имя в заголовке статьи.

– Он пробыл здесь недолго, но наделал много шума, – Эрнест достал с самой нижней полки книгу в сером переплете без названия и имени автора. – Его литература была долгое время запрещена, но потом кому-то все-таки удалось получить разрешение на издание его воспоминаний. Тогда было принято решение опубликовать только одну его книгу в самом плохом переплете без имени и названия и поместить на самую нижнюю полку библиотеки. В Юрисдикции небес всегда неизменно правило «все, что обладает низким качеством, должно занимать соответствующее место». Поэтому воспоминания Виктора, как второсортная литература, пылятся внизу, потому что никто, особенно стажеры, как ты, не добирается до нижних полок.

– Тем не менее, ты советуешь мне ее прочитать? – спросил я.

– Советую, – Эрнест отобрал у меня книгу и вернул ее на место. – Но не сегодня.

– Я видел статью в Вестнике, в которой упоминалось имя Виктор. Это тот самый Виктор, что написал эту книгу?

– Да, – его ответ был лаконичен.

– Но кто он такой?

– Ты иногда задаешь слишком много вопросов и часто не по существу, – Эрнест явно уходил от ответа. – Ты слишком мало знаешь, чтобы вникать в подобные детали.

– В какие именно? – я хотел, чтобы мои вопросы не оставляли без ответа.

– Если я не отвечаю на вопрос, это не означает, что меня нужно переспрашивать или задавать новые, – он явно был раздражен моим излишним любопытством.

– Но я не спросил ничего такого, – я начал оправдываться.

– Мне осталось показать тебе только музей, – Эрнест не обратил внимания на мои слова. – Обо всем остальном я тебе расскажу позднее...

* * *

Мы оказались с ним в комнате, которая была сравнительно небольшой, если ее сопоставить с одним из стоков, но все же, чтобы дойти от одного ее угла до другого мне потребовалось бы не меньше пяти минут.

– Здесь собраны образцы душ выдающихся личностей, – Эрнест подошел к одному из прозрачных столов. – Писатели. Художники. Ученые. Актеры. Инженеры. Это души людей, которые перевернули мир своими открытиями или изобретениями, талантами или поступ-

ками. Здесь можно найти молекулы души Дарвина, Фибоначчи, Эйнштейна, Майкла Джексона...

Я подошел к Эрнесту и посмотрел на капсулу, которая была подписана как «итоговый образец. Никола Тесла». Под ней было дано краткое описание состава молекулы с указанием всех использованных дозировок.

– Музей разделен на блоки. Два блока основные – души искусства и души науки. В каждом блоке свои сектора. Есть еще несколько блоков, но они совсем небольшие. В одном из таких блоков – формула души Принцессы Дианы и образцы душ некоторых личностей, которые совсем неизвестны. Их достижения зачастую ничуть не меньше, а иногда и больше тех, кого знает все человечество. В любом случае комиссией отобраны и выставлены только лучшие образцы.

Мне жутко хотелось найти душу какого-нибудь известного математического гения или спортсмена, чтобы посмотреть на формулу его молекулы. Но Эрнест и здесь не собирался задерживаться.

– У тебя будет много времени, чтобы осмотреть здесь все и не по одному разу, поэтому прошу проследовать за мной в следующую комнату, – он отправился к двери, которая отделяла основной зал от дополнительного, и показал свой пропуск, после чего дверь отворилась и он, пропустив меня вперед, зашел, плотно ее закрыв. Меня удивило, что основной зал был в свободном доступе, а этот находился под охраной, но я промолчал, надеясь, что пойму почему.

* * *

Я увидел первое место, в котором было так мало света, а тот, что был, казался искусственным. Комната была ничуть не меньше предыдущей. Я подошел к одному из стеллажей.

– Наполеон, Гитлер, Елизавета Батори, Саддам Хусейн, – перечислял я.

– Это кунсткамера. Личности здесь зачастую не менее выдающиеся, чем в предыдущем зале, но их достижения по своему характеру значительно отличаются, – Эрнест встал напротив меня. – Террористы, маньяки, тираны, деспоты. Список можно перечислять до бесконечности.

– Почему на одну душу здесь по два образца, – спросил я, а потом увидев меньшим шрифтом надпись, прочитал вслух. – Усама бен Ладен. Исходный образец. Итоговый образец.

– Исходный образец – тот, который был получен в результате синтеза молекулы, – пояснил Эрнест. – Итоговый – образец с учетом изменений, которые произошли в результате использования свободного выбора, то есть молекула души после смерти, но до ее расщепления. Иными словами, это молекулы души – на входе в жизнь и на выходе из нее. Понимаешь о чем я?

– Кажется...

– Обычно при синтезе подобных душ допускается брак или ошибки в ручных дозировках. А иногда душа сама проигрывает в борьбе за лучшую судьбу, а в сочетании с худшей при имеющемся составе исходной молекулы души, обладатель подобной души становится преступником.

– Я вообще ничего не понимаю, – я качал головой.

– Я просто пытался ответить на те вопросы, которые ты мне задал бы через пару минут, – Эрнест усмехнулся. – Теперь ты понимаешь, почему на вопросы я отвечаю избирательно?

Я молчал.

– Итак, на сегодня, думаю, прогулку стоит завершить, – Эрнест посмотрел на часы, которые висели на стене. – У нас есть еще пятнадцать минут, чтобы я вкратце мог рассказать, где мы с тобой еще не побывали. Но это лучше сделать не здесь.

* * *

Мы оказались на спиралевидной башне, из которой открывался вид на весь седьмой уровень. Это была та самая башня, из выхлопной трубы которой ни разу за то время, которое я был здесь, не переставал сочиться свет.

– Здесь так светло, – постоянно повторял я. – Почему?

– Это отходы молекулярного расщепления и синтеза душ на трех последующих уровнях, все лишнее со всех уровней всасывает система выхлопных трахей Юрисдикции небес. Выбросы производятся на седьмом уровне. Поэтому этот уровень самый светлый. В этом ты убедишься сам несколько позже.

Я кивнул головой, а сам продолжал наслаждаться видом, открывавшимся с балкона башни, на которую мы взобрались по винтовой лестнице.

– Я тебя еще не познакомил с центром занятости и отделом кадров, который располагается в южной части седьмого уровня, – Эрнест достал карту и показал мне, где находимся мы, а где центр занятости. – Отсюда мы его не увидим. Слишком далеко.

– Центр занятости, – повторил я и расплылся в улыбке.

– Административное управление совсем рядом, под нами, – Эрнест сделал отметку на карте и пальцем указал на высокое здание. – Отсюда происходит управление и организация работы на всех уровнях ниже. В составе административного управления – отдел статистики, который рассчитывает потребность в душах на нулевом уровне. Есть отдел логистики, который занимается управлением запасами, организует доставку сырья для изготовления молекул на нижние уровни. Самый важный – отдел организации и развития, который занимается организацией тренировочного лагеря для душ, а также парных соревнований за судьбу.

– Соревнований?

– О них позднее, когда доберемся до второго уровня, – ответил Эрнест. – С другой стороны... Отсюда мы тоже не увидим – слишком много света... Я покажу тебе на карте...

Он снова ткнул пальцем, постучав несколько раз в одну точку:

– Здесь издательство.

– То самое, в котором издаются книги из библиотеки? – спросил я.

– Да, – он отдал мне карту. – Кажется, об основном я тебе рассказал. Хотя нет... забыл про Управление исследований.

– А что и такое есть?

– Да, но оно тоже слишком далеко, отсюда не увидим, – Эрнест посмотрел на огромные часы, которые висели в воздухе. – Я уже опаздываю.

Он отдал мне карту.

– Теперь она твоя. Встретимся завтра. Можешь пока прогуляться, осмотреться вокруг. Но никуда не заходи, без пропуска тебя все равно никуда пропустят. А могут и вовсе задержать, тогда ты окажешься в Управлении исследований раньше, чем тебе того захочется.

– Но ты мне не рассказал...

– Можешь не продолжать, – он перебил меня. – Я не рассказал тебе больше, чем ты думаешь. Но на твоё обучение не зря отводится семь дней, поэтому торопиться мы не будем.

Я только хотел возразить, как, оглянувшись, увидел, что Эрнест исчез.

* * *

Я дошел до винтовой лестницы, уходящей далеко наверх, и запрокинул голову в надежде увидеть, что находится на ее вершине, но не увидел ничего кроме света.

Я посмотрел на огромные часы, висевшие в воздухе. Семь циферблатов, которые шли с разницей в час семь минут друг от друга, меня смущали.

– Очень интересно, – возмутился я и задал в воздух вопрос. – И на какой циферблат прикажете мне смотреть?

– На последний, – послышался красивый женский голос. – Но на вашем месте я бы все равно не стала взбираться по этой лестнице.

Я обернулся и увидел женщину, возраст которой определить было невозможно. Собственно имело ли теперь смысл определять возраст. Та же самая мысль меня посетила, когда я взглянул на часы: «Зачем здесь отсчитывать время?».

– Почему это? – мне показалось, что меня не предостерегают, а угрожают, но прислушавшись к тону своей новой собеседницы, я понял, что ошибся.

– Потому что она ведет в «никуда», – она улыбнулась и забралась на ступеньку выше.

– А вы что были там – в этом «нигде»? – я не смог сдержаться.

– Вы ведь Стажер? – сказала она, явно демонстрируя превосходство.

– И что с того?

– Так я права или нет?

– Да, Стажер, – мне ничего не оставалось, как сказать правду, потому что ни на руке, ни на шее у меня не было пропуска.

– Вы могли не отвечать, по вашему виду и так несложно догадаться.

– И что в моем виде меня выдает?

– Абсолютно все, – она усмехнулась. – Но прежде всего изучающий, вопросительный, любопытствующий взгляд. Ну и сам факт того, что вы пытались сейчас взобраться по этой лестнице.

Я скрестил руки на груди.

– Никто из, скажем так, местных даже не пытается этого делать, – она пояснила. – Только новенькие.

– А вы старожил Юрисдикции небес? – я не сдержался.

– Не так давно стала им, – она не реагировала на колкости. – Семь дней назад я так же, как и вы, пыталась взобраться по ней наверх.

– И что?

– Я взбиралась по ней примерно три часа, – она замолчала. – Но там и вправду ничего нет, кроме самой лестницы.

– Зачем ставить лестницу, если она никуда не ведет?

– Этот вопрос стоит задать строителям, – она улыбнулась. – Можно поискать ответы в библиотеке.

– Вы пытались?

– Конечно, нет, – она улыбнулась.

– А я все равно пойду наверх, – я был решителен. – Вы сказали, что потратили всего три часа. Может быть, вы всего лишь немного не дошли?

– Я потратил девять дней, – послышался еще один голос. – Девять дней только для того, чтобы подняться. И девять дней для того, чтобы спуститься. Это для тебя более убедительно?

Внизу стоял юноша, и хотя определять возраст здесь было также бессмысленно, я предположил, что ему нет и шестнадцати.

– Там вправду нечего делать, – он присел на первую ступеньку. – И лифты туда не ездят, и самолеты не летают.

– Меня зовут Луиза, – мне представились.

– Патрик, – я был краток.

– Мигель, – мальчик махнул снизу рукой.

– Давно вы здесь? – спросил я.

– Я восемь дней. Сегодня прошла аттестацию, – ответила Луиза.

– А ты? – спросил я мальчишку.

– Я не помню, – буркнул он.

– Ты сказала аттестацию? – я решил, что все накопившиеся вопросы сейчас задам ей.

– Да, меня распределили на шестой уровень, – она ответила, не дожидаясь вопроса.

– И что на шестом уровне?

– Массовое производство душ, – ответила она разочарованно.

– Массовое? – переспросил я.

– Твой Куратор тебе еще не рассказывал? – поинтересовалась она.

– Нет, – я покачал головой.

– Это, конечно, не совсем то, что я хотела, но начинать придется оттуда.

– А чего хотела ты?

– Четвертый уровень – цех эксклюзивного производства. Там изготавливают души ручной работы по спецзаказу. Но туда просто так не попадешь...

Я начал по привычке качать головой.

– Не пытайся вникнуть раньше времени, – Луиза сочувственно посмотрела на меня. – Добравшись до последнего уровня, все станет на свои места...

Я услышал музыку. Как будто где-то вдалеке зародилась звуковая волна. Красивая мелодия нарастала, пока не достигла пика звучания где-то рядом с нами.

– Что это? – спросил я.

– Внизу пробило ровно семь утра, – пояснила Луиза. – В Юрисдикции небес часы не бьют. Здесь меняются мелодии. Сначала они едва слышны, потом музыка нарастает, и когда часам приходит время бить, тишина содрогается.

– Откуда берется этот звук?

– Это звучание душ, – пояснила Луиза. – У каждой – своя мелодия. Отсюда можно настроиться только на звуковую волну души. Другой связи с ней нет. Поскольку у каждой свое звучание, сливаясь в одну мелодию, рождается неповторимый звук. Громче всего мелодии на первом уровне, потому что он ближе остальных к миру живых людей.

– Но почему я не слышал этих звуков раньше?

– А почему, когда ты умер, ты кричал так, что тебя было слышно на всех семи уровнях? – она усмехнулась.

– И ты слышала? – я ужаснулся.

– Да, – она подтвердила. – Здесь обостряются слух. Но это происходит не сразу. Поэтому здесь слышно даже звучание твоих мыслей.

– Что?

– Да-да, – она снова улыбнулась, увидев, как я смутился.

– То есть я даже подумать не могу ни о чем, чтобы меня никто не услышал? – я только сейчас начал понимать, почему Эрнест отвечал на вопросы, которые я не успевал задать.

– Не переживай, тебя могут слышать только те, кто пробыв здесь вечность и привык к тишине Юрисдикции небес, – вмешался в разговор Мигель.

– Я не слышу твои мысли. Честно, – уверила меня Луиза. – Но по выражению твоего лица об их содержании не сложно догадаться.

Я рассмеялся. Она не стала сдерживаться и начала хохотать вместе со мной. Не выдержал и Мигель, который стал заливаться смехом вместе с нами.

– Как красиво! – вдруг Луиза прервала свой залиvistый смех. – Уже восемь дней, а я никак не могу привыкнуть к этому.

Заметив в отражении ее нейтральных серых глаз цветных переливов, я обернулся назад, и увидел, как наверху повисли радуги разных цветов и форм. Одни висели как коромысло. Другие вращались кольцами, сцепляясь в цепь. Третьи разлетались лентами, изображая геометрический вальс. Четвертые надувались и лопались, как мыльные пузыри.

– Что это?

– Никто не знает, – ответила Луиза. – Кто-то говорит, что это остатки молекул душ.

– А я думаю, это души, которые становятся ничем, – Мигель перебил ее.

– А мне кажется, что это небесная проекция души, только что заселенной в тело...

– Что бы это ни было, это бесподобно, – сказал я прежде, чем все исчезло, оставив после себя лишь много света.

– Скоро моя смена, – произнесла Луиза. – Приятно было познакомиться, Патрик.

– Взаимно, – ответил я и, взглянув на часы, вдруг вспомнил о вопросе, который меня мучил.

– Разница во времени на каждом уровне составляет один час семь минут, – сказал Мигель. – Последняя шкала циферблата показывает, сколько времени на седьмом уровне, а внутренняя шкала – сколько времени на нулевом. Остальные шкалы указывают, сколько времени на других уровнях соответственно. Время нужно отсчитывать даже в Юрисдикции небес, потому что она обслуживает мир нулевого уровня, под который ей приходится подстраиваться.

– Но я ведь, – я не успел задать вопрос.

– Твои мысли не слышит Луиза, но не я. Я намного дольше здесь, нежели она, – Мигель ответил и на второй вопрос, который я также не успел озвучить. – Еще увидимся...

* * *

Я скучал по Лорин. Больше всего сейчас мне не хватало ее «доброе утро, милый». Запах сваренного ей кофе тоже остался лишь в воспоминаниях.

– Семь пятнадцать, – прошептал я. – Она проснется через пятнадцать минут, а я нет.

Я впервые почувствовал боль с тех пор, как оказался здесь. Лишь на секунду подумав, что она испытает, когда не сможет меня добудиться, я сморщился от того, что мне защемило сердце, которое теперь не билось, которого теперь вообще у меня не было.

За то, чтобы провести с ней хотя бы несколько дней, я бы предпочел исчезнуть навсегда. Я вспоминал, как не хотел засыпать, словно чувствовал, что меня призовет Юрисдикция небес.

– Что со мной случилось? – я задал вопрос в свет. – Почему мое сердце вдруг перестало биться? Почему так рано? Почему именно сейчас?

Я не боялся, что меня кто-то услышит. Я боялся лишь того, что мне никто не сможет дать ответы на эти вопросы даже здесь. И пока единственный, кого я мог о чем-то спрашивать, был Эрнест, который искусно уходил от ответа.

– Как же я люблю тебя, Лорин, – прошептал я и повторил громче.

Я закрыл глаза.

– Я люблю тебя, Лорин! – я закричал со всех сил, в надежде, что эти слова преодолеют все семь уровней, все четыреста шестьдесят девять минут, которые отделяли нас друг от друга. И единственное, что я хотел – это услышать ответ...

* * *

– Она не услышит тебя...

Эрнест подобрался ко мне сзади.

– Даже если бы здесь были микрофоны и звукоусилители, даже тогда она не услышала бы тебя, – он присел рядом.

– Ты быстро вернулся, – заметил я.

– Не люблю бывать на уровнях ниже четвертого, – ответил он.

– Почему?

– Там всегда хочется закурить... Единственное воспоминание, которое меня не покинуло до сих пор, – это воспоминание о том, какое облегчение испытываешь, когда делаешь затяжку. Я уже почти не помню чувство голода, чувство физической боли. Я не чувствую запахов. Но это ощущение, когда вдыхаешь сигаретный дым... Да и вообще ощущение, когда дышишь. Его не забыть... Больше всего дышать хочется на первом уровне...

– Почему именно на первом? – спросил я.

– Неважно, – Эрнест покачал головой. – Ты готов продолжить?

– Я думал, мы с тобой продолжим завтра.

– Патрик, – Куратор впервые назвал меня по имени. – Здесь нет сегодня или вчера. Завтра или послезавтра. Дни исчисляются только для удобства Стажеров. Поэтому если ты все-таки не против, мы можем спуститься на следующие уровни.

– А если бы я был против?

– Пошли! Нам нужно добраться до гравитационного отвода, – приказал мне Эрнест.
– До чего? У вас есть в библиотеке словарь? Я не могу привыкнуть к вашей терминологии.
– Гравитационный отвод – это что-то вроде лифта между уровнями, – он пояснил. – Если добираться пешком, то это займет один час семь минут.

«Один час. Семь минут. Об этом я уже в курсе», – подумал я про себя.

– Ты уже успел с кем-то познакомиться? – поинтересовался Эрнест.

«Кажется, он слышит звук моих мыслей. Я совсем забыл, сколько он уже здесь», – промелькнуло у меня в голове.

– Я погиб два года назад, – ответил Эрнест.

– Черт побери, – я не сдержался. – А мне сказали, что слышать мысли могут только те, кто здесь целую вечность.

– Не знаю, – Эрнест пожал плечами. – Может быть, я слышу твои мысли, потому что отношусь к этим двум годам, как к целой вечности.

Я старался ни о чем не думать. А если какая-то мысль закрадывалась, я тут же ее озвучивал.

– Знаешь, ощущение, что кто-то подслушивает твои мысли, пожалуй, одно из самых неприятных из тех, что я испытывал, – я возмутился. – Куда неприятнее даже, чем несварение...

– Не беспокойся, никто и не услышит твои мысли, если не будет прислушиваться, – объяснил Эрнест. – Но если прислушаться, конечно, можно услышать все.

– Лучше не бывает...

– Так ты не ответил, с кем ты уже успел познакомиться? – он снова переспросил.

– С Луизой и Мигелем, – ответил я.

– Хорошие ребята, – уверил Эрнест. – А вот и отвод.

Мы приблизились к одной из шести больших дверей. Оказавшись по ту сторону одной из них, я увидел лишь много света и снова почувствовал ту же самую силу, которая буквально вытянула меня из моего тела.

* * *

– Время пути – всего семь минут, – сказал Эрнест, отворив другую дверь, за которой располагался шестой этаж небесной Юрисдикции. – Каждый уровень имеет свою силу притяжения, которая увеличивается по мере приближения к нулевому уровню. То есть на каждом из них есть подобная дверь, за которой находится так называемый гравитационный отвод, где сила притяжения каждого уровня не подавляется, а находится в своем естественном состоянии. При спуске на каждый последующий уровень время пути сокращается на одну минуту. Соответственно, самый короткий путь – это спуск со второго уровня на первый, время пути – мгновение.

– Ощущение, словно падаешь, – заметил я.

– Такие ощущения только при спуске с седьмого на шестой, – пояснил Эрнест. – На других уровнях иначе.

– А как меня затащило наверх, когда я умер? – пользуясь случаем, я спросил.

– Также по гравитационному отводу, – ответил Эрнест. – Только по другому. По нему мы будем возвращаться обратно. Гравитация уровней действует с двух сторон. Всего гравитационных отводов шесть. Два – для сотрудников Юрисдикции небес. И еще два – для душ. Два – грузовых для транспортировки материалов.

– Кажется, теперь все немного встает на свои места, – пробурчал я себе под нос.

Перешагнув через порог распахнутой двери, я увидел огромную равнину, на которой была размещена одна большая причудливая установка, простиравшаяся на сотни миль вперед. Здесь так же, как и на седьмом уровне, была винтовая лестница, уходившая наверх, но в отли-

чие от него света было здесь несколько меньше. Наверху над нами нависали, как грозди винограда, какие-то непонятные сферы, которые и освещали весь шестой уровень.

– Что это? – спросил я.

– Это система выхлопных трахей, про которую я тебе говорил – пояснил Эрнест. – Она генерирует свет, который освещает Юрисдикцию небес, втягивая отходы от молекулярного производства души.

– А это что? – показал я на сложную систему коммуникаций, конца которой я не видел.

– Шестой уровень – станция массового производства, – начал Эрнест. – Здесь происходит простейший синтез молекул души, которые изготавливаются по четким шаблонам. Я, пожалуй, назвал бы эту технологию элементарной и даже примитивной. На выходе из системы получается душа обычного, заурядного среднестатистического человека, который не будет отличаться какими-либо способностями. Обладатель подобной души будет нацелен на удовлетворение своих текущих естественных потребностей, он будет мало озабочен смыслом жизни и вопросами бытия. Как правило, это люди, либо лишенные свободного выбора, либо обладающие крайне небольшим его запасом.

– Души изготавливаются по шаблонам? – переспросил я.

– Совершенно верно.

Мы шли прогулочным шагом, осматривая со стороны производственную линию, в подробности технологии которой Эрнест не стал вдаваться. Он подошел к кому-то и попросил дать ему какой-то образец.

– А вот и один из стандартов, – он протянул какой-то листок, – Различия будут лишь в судьбе.

Я начал читать содержимое стандарта: «Интеллект – 40 процентов. Сила воли: 30 процентов. Тип лидерства: ведомый. Тип темперамента – сангвиник – 40 процентов. Свободный выбор – 10 процентов. Тип судьбы – стандартный по итогу состязания»...

Я не успел дочитать.

– На выходе производства – заурядность, – Эрнест повысил голос, чтобы привлечь мое внимание. – Но это при условии, что не будет аварии на станции и брака. Но без брака не обойтись. Если он существенный, то так или иначе это скажется на будущей личности. Самый яркий пример браков – маргиналы, в том числе люди, склонные к наркотической и алкогольной зависимости, депрессиям и даже самоубийствам.

– И часто бывают браки? – поинтересовался я.

– Более чем, – Эрнест улыбнулся. – Массовый тип синтеза нацелен на воспроизводство человеческого рода или так называемую регенерацию человеческой цивилизации. Проще говоря, работа здесь ведется никак иначе, как по заказу природы.

Мне не терпелось увидеть, что находится на следующих уровнях.

– Я хочу увидеть пятый уровень, – заявил я.

– Не хочешь здесь осмотреться? – удивленно спросил Эрнест.

– Я уже осмотрелся, – я был категоричен.

– Тогда пошли обратно к гравитационному отводу...

* * *

Как и обещал Эрнест, время спуска до пятого уровня сократилось на одну минуту.

– На этом уровне располагаются цеха серийного производства, – сказал Куратор прежде, чем распахнул дверь.

Здесь было примерно так же, как и на уровень выше. Единственное, что отличало пятый уровень от шестого, так это множество несуразных сооружений, разбросанных по всей территории. Да и света здесь становилось все меньше и меньше.

– Все это цеха молекулярного синтеза, которые производят молекулы различных серий, – Эрнест поспешил к одному из близлежащих сооружений. – Однако здесь в отличие от преды-

душего уровня работа ведется по заказу. Аналитики Административного управления седьмого уровня Юрисдикции небес вычисляют потребности мира нулевого уровня в конкретных категориях душ – например в врачах, учителях или ученых, после чего осуществляется конкретный заказ, обработка и выполнение которого производится на этом уровне.

– Они ведут статистику? – я не верил своим ушам.

– Да, именно, – Эрнест отвлекся, чтобы ответить на мой вопрос. – Поэтому для производства на этом уровне более тщательно отбираются исходные капсулы. Синтез молекул здесь проводится под четким руководством инженеров. Души проходят контроль качества, сертификацию и только тогда отправляются на следующий уровень – а именно на третий, минуя четвертый.

– А что на четвертом уровне? – поинтересовался я.

– На четвертом уровне находится нечто, что значительно отличается от того, что ты увидел здесь, – Эрнест снова отправился к гравитационному отводу, который располагался уже за другой соседней дверью. Следуя за ним, я обратил внимание на то, что и на этом уровне продолжалась та самая винтовая лестница, по которой я собирался взобраться на восьмой уровень.

– Позволь мне спросить, – я не удержался. – Эта винтовая лестница... Куда она ведет?

– Эта лестница соединяет все уровни Юрисдикции небес, – ответил Эрнест. – По ней пешком можно добраться из одного уровня на другой. Только займет соответственно не семь и шесть минут, а семь и шесть минут плюс один час. Поэтому лестницей этой пользуются крайне редко. Гравитационные отводы экономят нам очень много времени.

– Ты сказал, лестница соединяет уровни между собой, – я начал рассуждать. – Седьмой с шестым, шестой с пятым и так далее.

– Все верно, – подтвердил Эрнест.

– То есть верно и то, что она соединяет седьмой уровень с восьмым, ведь она продолжается на самом высоком из доступных уровней, – предположил я.

– Маловероятно, – он покачал головой. – Эта лестница скорее ведет в «никуда». Так же, как души становятся ничем, так и где-то за пределами Юрисдикции небес наступает «нигде».

– Почему все так уверены, что где-то там начинается «ничто», – рациональность моего сознания не позволяла мне согласиться с подобными утверждениями. – По-моему, назначение этой лестницы очевидно.

– Оно очевидно лишь потому, что ты ни разу не взбирался по ней, – Эрнест возразил.

– Я не взбирался, но взбиралась Луиза и Мигель. Они рассказывали мне!

– Они что-то увидели наверху? – Эрнест сделал скептический взгляд.

– Нет. Луиза потратила всего три часа. А Мигель девять дней. Что если восьмой уровень просто находится значительно дальше остальных и чтобы до него добраться требуется несколько месяцев или лет? – я не собирался отступать.

– Девять дней ничто, – Эрнест бросил вслед моим словам усмешку. – Души тратили годы, чтобы взобраться наверх, но спроси любого из тех, кто вернулся, они ответят тебе, что там ничего нет.

– Но ведь есть те, кто не вернулись?! – вывод из слов моего Куратора сам напрашивался.

– Есть, – он не стал отрицать. – Но это всего лишь значит, что они до сих пор продолжают взбираться наверх.

– А гравитационные отводы? – спросил я, когда уже по одному из них мы спускались вниз на четвертый уровень.

– А что они?

– Есть гравитационные отводы, которые ведут наверх с седьмого уровня и спускают вниз с восьмого? – спросил я.

– Нет, – категорически ответил Эрнест. Даже если они и есть, то их местонахождение никому неизвестно.

– Но ты ведь веришь, что восьмой уровень существует? – я продолжал вырабатывать аргументы.

– Да, – Эрнест устал со мной спорить.

– Тогда мы приходим к противоречию, – я чувствовал, что уже довольно близко подобрался к истине. – Либо восьмого уровня не существует, либо эта лестница ведет к нему.

Я не успел закончить ход своих мыслей, как почувствовал, что ускорение, с которым мы перемещались по гравитационному отводу, обнулилось.

– Четвертый уровень, – объявил Эрнест.

* * *

На четвертом уровне было гораздо оживленнее, нежели на предыдущих двух. Суеты здесь было примерно столько же, сколько и в будничном Сан-Франциско. Система выхлопных трахей здесь была несколько иная. Я бы сказал – менее разветвленная.

– Кто заказывал капсулу незаурядного интеллекта с дозировкой в семьдесят процентов?! – выкрикивая, курьер поочередно забегал в павильоны, которых было не меньше тысячи.

– Льюис, я жду капсулу вселенского знания по астрологии с дозировкой в тридцать семь процентов уже несколько дней! – кто-то крикнул ему в ответ.

– Здесь шумно, – заметил я.

– Здесь размещаются павильоны эксклюзивного синтеза молекул, – Эрнест постучался в один из них и, получив разрешение на то, чтобы войти, махнул мне рукой. – Такие, как этот.

Внутри я увидел стол, на котором размещалась установка, напоминавшая ту, что я встречал уже в цехе расщепления. На небольшом соседнем столе рядом лежали какие-то футляры, множество книг по молекулярному синтезу. Вся стена напоминала мини-сток на седьмом уровне с несчетным множеством ячеек, в которых размещались капсулы.

– Привет, Франческа, – поздоровался Эрнест.

– Привет, – девушка оторвала взгляд от призмы, которую изучала, когда мы вошли. – Ты со Стажером?

– Да, ты не будешь против, если мы немного осмотримся здесь? – спросил он разрешения.

– Конечно, нет, – она положила призму в одну из ячеек. – Вы не видели Августа?

– Да, он снаружи носится. Ищет, кто заказывал капсулу незаурядного интеллекта, – усмехнулся Эрнест.

– Я жду его тут битый час, а он хочет кому-то всучить мою капсулу, – она направилась к выходу. – Неужели сложно заглянуть в смету и сверить имя получателя!

Она выбежала из павильона, оставив нас с Эрнестом наедине.

– Как видишь, здесь нет оборудования, – заметил он. – Все души здесь – это души ручной работы. Поэтому трудятся здесь только самые лучшие мастера. Попасть сюда невозможно, если не прочитать всю библиотеку Юрисдикции небес. Мастера для работы на этом уровне могут обучаться до семидесяти лет, а того и больше.

– Так долго, – я не удержался от того, чтобы не вставить свои комментарии.

– Самое долгое из мне известного – восемьдесят девять лет, – уточнил Эрнест. – Здесь работают исключительно по индивидуальным заказам Высшего разума. Сальвадор Дали, Леонардо да Винчи, Никола Тесла. Молекулы их душ были получены именно на этом уровне.

– То есть молекулы всех выдающихся личностей?

– Более чем, – поправил Эрнест.

– А Наполеон? Гитлер?

– Нет! – отрезал Эрнест. – Это нелегальное производство, которое размещается на одном из уровней Юрисдикции небес, но на каком никому неизвестно. Туда кстати ушли самые лучшие мастера, но самые преданные остались на четвертом уровне. Они работают на непригодных к синтезу отходах от расщепления молекулы, а иногда и вовсе воруют капсулы со стоков на седьмом уровне.

– Ты сказал, что лучшие мастера от вас ушли. Почему? Сомневаюсь, что им предложили больше зарплату, – подшутил я и тут же уточнил. – Или вам здесь все-таки платят?

– Нет.

– Тогда в чем интерес?

– В Юрисдикции небес действует система льгот и поощрений. Отработав здесь определенное количество лет, за выслугу можно заказать себе лучший из возможных составов молекулы души, выбрать лучшую карту судьбы и спуститься на нулевой уровень, чтобы прожить ту жизнь, которую ты хочешь.

– И какова выслуга лет?

– От ста девяносто девяти лет до бесконечности, пока не придет соответствующее извещение. Кстати хорошо известный тебе Сальвадор Дали спустился на нулевой уровень после того, как создал молекулу души Рафаэля Санти и Микеланджело, – привел пример Эрнест. – Хотя есть и те, кому очень нравится и здесь. Пожалуй, это Альберт. Он работает мастером, наверное, уже больше бесконечности. Ему нравится ручная работа. Надо будет вас познакомиться...

– Так я не совсем понял, почему они все-таки ушли?

– Там более низкий порог. Выслуга не сто девяносто девять лет, а в два раза меньше, – пояснил Эрнест.

– Ну и какие еще есть льготы и поощрения?

– Существует еще система премирования. Каждый раз она разная. Как правило, это капсула свободного выбора. Ты уже знаешь, что обладатели душ с высоким потенциалом свободного выбора чаще других добиваются успеха и всегда идут по своему собственному пути. Поэтому многие стараются накопить большой запас свободного выбора.

– И все по направлению к нулевому уровню? – возмутился я.

– Что ты имеешь в виду?

– Да то, что все меры поощрения направлены на то, чтобы спустить тебя вниз, – я и вправду был возмущен. – Лестница, которая ведет в «никуда». Меры поощрения, которые не ведут вверх. Какой-то недостижимый восьмой уровень, который организует жизнь не только в мире нулевого уровня, но и на всех семи уровнях Юрисдикции небес...

– Вообще-то есть один способ попасть в Резиденцию Высшего разума...

– И какой же?

– Получить извещение об увольнении с правом выбора – вернуться на нулевой уровень, выбрав судьбу, которую хочешь, или отправиться вверх. Фактически ты выбираешь между неизвестностью и четко обозначенной перспективой. И решить тебе надо заранее – для этого ты делаешь соответствующую отметку на извещении. Это все равно, что поставить подпись кровью, потому что изменить решение после того, как поставишь отметку, ты уже не сможешь. Если ты пожелал отправиться на нулевой уровень, тебе все равно будет предоставлена возможность увидеть восьмой, однако, независимо от того, понравится тебе наверху или нет, остаться ты там не сможешь. С восьмого уровня по гравитационному отводу молекулу твоей души отправят прямиком на нулевой – к будущему пристанищу твоей души.

– Значит, гравитационные отводы на восьмой уровень все-таки существуют!

– Вероятно, – Эрнест поджал губы. – Но их местоположение непостоянно и никому не известно.

– Вы ни разу не разговаривали с теми, кто был наверху?

– Нет! Я же сказал, те, кто оказывается в Резиденции Высшего разума, там и остается либо прямиком направляется вниз! – он не выдержал.

– Ладно-ладно, я понял, – я, наконец, успокоился.

– Так... На чем я остановился? – Эрнест пытался восстановить ход своих мыслей. – Кажется, я говорил про образцы... Ах, да. Как ты уже понял, эксклюзивный синтез – единич-

ный. Образцы молекул подобных душ постоянно совершенствуются. Подбирается идеальный состав, который позволил бы обладателю подобной души решить конкретные задачи, поставленные перед ним его картой судьбы. После того, как мастер подберет и синтезирует идеальную формулу молекулы, он отправляет образец на согласование в Резиденцию Высшего разума. Оттуда молекулу души могут вернуть мастеру на доработку, тогда придется начать работу заново. И так до тех пор, пока не будет синтезирована идеальная душа.

– Душа должна будет решить конкретные задачи? – я выхватил из всего сказанного одну фразу.

– Забегая немного вперед, скажу, что молекулы души массового и серийного производства принимают участие в парных соревнованиях сначала за лучшую судьбу, потом за судьбу несколько хуже и так по убыванию, – Эрнест старался подобрать подходящие слова. – Молекулы души индивидуального образца, то есть те, что получаются в результате синтеза на четвертом уровне, создаются под конкретную карту судьбы. Они не участвуют в состязаниях за лучшую судьбу, потому что их карта судьбы определена задолго до их существования и составлена таким образом, чтобы обладатель подобной души смог реализовать начертанное предназначение. Как только душа решит все поставленные перед ней задачи, она возвращается обратно, отчитываясь о проделанном и подписывая акт выполненных работ и протокол имеющихся с представителями Юрисдикции небес разногласий. После этого принимается конкретное решение в отношении дальнейшей судьбы данной души. Она может подать апелляцию в Управление расследований, если посчитает, что принятое решение в отношении нее несправедливо. В этом заключаются все привилегии молекулы души, которая была создана на четвертом уровне. Что происходит с душами, синтезированными на шестом и пятом уровне, ты уже знаешь.

– Пожалуй, слишком много привилегий, – подчеркнул я. – А души с шестого и пятого уровня... Что если их достижения при жизни окажутся куда больше?

– Такого не бывает, – Эрнест отрицал даже самую возможность подобного. – Статистика неопровержима.

– Статистика – это всегда усредненное значение, – я возразил. – Но в любом множестве всегда есть существенные отклонения, как и в любом правиле – исключения.

– На практике подобных случаев не было ни разу, – Эрнест перебил меня. – В Юрисдикции небес есть правовые источники?

– Да, на всех уровнях действует прецедентное право, но есть и несколько кодексов, – сообщил мне Эрнест. – Их ты можешь найти в абонементе юридической литературы в библиотеке.

– Непременно наведаюсь туда в ближайшие дни, – съязвил я.

– Сейчас, думаю, самое время спуститься еще на один уровень ниже, – Эрнест решил, что здесь я увидел все, что должен был увидеть. – В Юрисдикции небес есть еще одна весьма забавная закономерность: чем ниже, тем интереснее.

* * *

Третий уровень оказался самым оживленным. Здесь было также шумно, как обычно бывает на буднях в любом из мегаполисов поднебесного мира. Все куда-то спешили. А те, кто никуда не торопился, непременно что-то оживленно обсуждали.

– Не удивляйся, здесь всегда так, – уверил меня Эрнест. – Отсюда новые души начинают свой путь, ну а старые его, как правило, продолжают.

– Что значит, начинают свой путь отсюда? Я думал, душа начинает свой путь с нулевого уровня. Разве не так?

– Так принято считать в земном мире, – Эрнест усмехнулся. – Все начинается гораздо раньше.

Я молчал в ожидании подробного рассказа, который непременно должен был начаться.

– За лучшую из возможных судеб душа начинает борьбу уже здесь, – Эрнест махнул кому-то рукой. – На третьем уровне организуется что-то вроде аукциона. Судьбы выставляются поочередно лотами. Только лучшую из возможных жизней в Юрисдикции небес купить невозможно. Единственный способ ее обрести – выиграть парные соревнования. Здесь же тренировочный лагерь. Он организован с той целью, чтобы подготовить души к состязаниям на втором уровне. Для каждой души назначается Наставник, который занимается ее подготовкой к соревнованиям. Аукционы на третьем уровне организуются тысячами, соревнования исчисляются миллионами, а участники миллиардами. Сначала выставляется самый лучший лот. Будь то аукцион на нулевом уровне, за него была бы назначена самая высокая начальная ставка. Это судьба с так называемыми низкими порогами удачи, везения или лоты судьбы первого порядка. Обладателям подобной судьбы достаточно просто оказаться в нужном месте и в нужное время для того, чтобы получить то, что они желают, или то, чего они, по своему мнению, заслуживают и они, конечно же, непременно окажутся. В следующих лотах порог везения увеличивается, а, значит, уменьшаются и возможности уповать на удачу. В лотах самых низких порядков порог везения сменяется на порог невезения. Я думаю, что не стоит объяснять, как меняется судьба. Поэтому души, как правило, сражаются, даже проиграв первые битвы. Те, кто готов сдаться, сразу выбирают самую худшую из возможных частей.

– Ты говорил, что в соревнованиях принимают участие души шестого и пятого уровня. Но при этом на шестом уровне происходит синтез душ определенных категорий? – мне казалось это противоречивым.

– Ты правильно подметил. Души с пятого уровня принимают участие в розыгрыше конкретных лотов. С шестого уровня – по остаточному принципу. Ну а с четвертого, как я говорил ранее, души вообще минуют третий и второй уровень.

– То есть души с шестого уровня вообще лишены права сражаться за судьбу первого порядка?

– Им все равно не выиграть эти соревнования, – уверенно заявил Эрнест. – Зачем же тогда усложнять и без того сложную систему распределения судеб?

– А как же принцип справедливости? Или такого нет в Юрисдикции небес?

– В Юрисдикции небес есть принцип рациональности, – возразил Эрнест и, не дав вставить мне и слова, продолжил. – Пошли. Ты должен увидеть все изнутри.

Перед нами появилось нечто, что являло собой аукционный дом. Перед входом у нас спросили какие-то реквизиты, на что Эрнест ответил:

– Мы Наблюдатели.

В ответ некто лишь кивнул ему, показав на соседнюю дверь.

– Что за реквизиты?

– Реквизиты души и имя Наставника, – пояснил Эрнест. – Это своеобразные меры противодействия легализации участия в аукционе душ, которые не должны принимать участие в нем по разным причинам.

Мы оказались внутри огромного зала, который напоминал амфитеатр, разделенный на несколько секторов.

– Почему сектора разных цветов? – поинтересовался я.

– Это необходимо, чтобы определить участников аукциона, – Эрнест присел, взглядом показав, чтобы я сделал то же, что и он. – Красный сектор для Наблюдателей типа тебя и меня. Зеленый для новичков, желтый – для тех, кто участвует в аукционе повторно, синий – для Покровителей.

– Разве можно участвовать в аукционе повторно? – задал я первый из возникших вопросов.

– В аукционе можно участвовать бесконечно, но смысла в этом нет, потому что в приоритете будут всегда те, кто принимает участие в нем впервые, поэтому данный сектор почти пустой, – Эрнест перешел на шепот.

– А кто такие Покровители? До сего момента я слышал лишь о Кураторах и Наставниках, – я сбавил тон, когда увидел, как на торгах начали представлять первый лот:

«Итак вашему вниманию представляется лот номер один: Судьба с самой высокой из возможных степенью благополучия – пять. Владелец карты этой судьбы родится и вырастет в большой семье ученых в Барселоне. Получив лучшее образование, через двадцать лет он станет Председателем Правления Мадридской инвестиционной компании, основателем которой будет он сам. В университете он познакомится со своей будущей женой, с которой воспитает четверо детей. Остаток жизни со своей стареющей супругой он проведет в Карловых варах под Прагой», – ведущий кратко охарактеризовал лот, как велела ему инструкция.

– Покровители, – Эрнест стал говорить одновременно с ведущим, видимо, решив, что тот уже сказал самое важное, – это некто в Юрисдикции небес, кто обладает большими по сравнению со всеми остальными полномочиями. Душа, имеющая Покровителя, будет находиться под его защитой всю свою жизнь, конечно, если покровительство не будет отозвано. Если ты, будучи на нулевом уровне, становишься свидетелем чудес, которые причисляли к делам Господа Бога, знай, это всего лишь дело рук Покровителей. Если Наставники могут действовать лишь в рамках своей компетенции и вверенных им средств, которых не так много, и строго в рамках карты судьбы души, Наставниками которой они являются, то Покровители в своих возможностях не ограничены...

– Но кто они? – я не дал договорить Эрнесту.

– Никто не знает, часто они действуют через своих представителей, которые не так разговорчивы, как нам хотелось бы. Я знаю лишь одно, покровительство для большинства из них не хобби и не развлечение. Они берут на себя подобную ответственность лишь тогда, когда у них есть свой личный интерес в поднебесном мире. Обладая Покровителем, можно стать владельцем тех благ, которые не полагаются тебе по карте твоей судьбы, однако вместе с тем можно стать заложником этих самых благ.

– Но кто дает им расширенные полномочия? – я недоумевал.

– Их полномочия не просто расширены, зачастую они вовсе не ограничены, – Эрнест покачал головой. – И когда они пользуются своими полномочиями, в Юрисдикции небес начинается коллапс, потому что невозможно просто так менять то, что предначертано картой судеб без ущерба ходу Мироздания и судеб душ, которые связаны друг с другом.

Я смотрел на синий сектор, пытаясь что-нибудь разглядеть, но свет, которого было здесь в избытке, мешал разглядеть мне лица.

– В последний раз, когда в дела судьбы вмешался Покровитель, молодой человек по имени Роберт в Мельбурне сдал за два часа до отлета билеты на самолет, на котором он еще вместе с двумя сотнями людей должен был погибнуть в авиакатастрофе. А опаздывающий на научную конференцию в Будапеште, профессор генетической биоинженерии из Стокгольма, который собирался представить свои разработки для борьбы с раковыми заболеваниями для получения гранта на проведение исследований, в последний момент купил билет на этот самый самолет, который вроде достался ему «чудом». Но «чудо» на самом деле было то, что и у этого амбициозного профессора был свой Покровитель в Юрисдикции небес, который не остался в стороне. И еще две сотни людей, жизнь которых должна была оборваться в тот день, получили шанс на то, чтобы их карту судьбы переписали. В издательском доме и днем, и ночью редакторы утверждали новые карты судеб.

– И ты говоришь, что никто и никогда не видел Покровителей? – я никак не мог понять, почему целая система подчинена тому, чтобы подчищать за теми, существование кого никто даже не может подтвердить.

– Покровители редко высовывают свой нос, – прояснил Эрнест. – А даже если они и решатся показаться, об этом никто не узнает, потому что едва ли кто сможет отличить представителя Покровителя от самого Покровителя, хотя бы по той причине, что никто не знает, как они выглядят.

– То есть ты не исключаяешь, что среди сидящих в синем секторе могут быть не только представители, но и сами Покровители?

– Не исключаяю, – Эрнест посмотрел на синий сектор.

– Какие дела могут быть у Покровителей на нулевом уровне? – я не унимался.

– У тебя же остались жена и дети там внизу? – вопросом на вопрос ответил мне Эрнест.

– Жена, – конкретизировал я.

– Как и у нас, у Покровителей тоже есть те, за кем им надо присматривать, но в отличие от тебя и меня, у них есть на это полномочия, – Эрнест развел руками. – Взять покровительство можно только до того момента, когда душа достигнет нулевого уровня. Покровители, как правило, знакомятся с лотами, которые будут выставлены на торги, потому что их всегда интересует какой-либо конкретный лот. В аукционе они принимают участие только для того, чтобы увидеть, кто будет сражаться в битве за данный лот. Покровительство они даруют либо по итогам промежуточных соревнований и работы в тренировочном лагере, помогая одержать победу в итоговом состязании, либо по результатам всех соревнований.

Ведущий аукциона, наконец, полностью представил лот и назначил начальную ставку:

– Начальная ставка – семьдесят девять привилегий! Шаг аукциона – четыре привилегии. Победителями будут признаны две души, назначившие наименьшие ставки.

– Привилегии? Что это такое? – я не знал, что я ожидал услышать в качестве начальной ставки, но это были точно не привилегии.

– В этом лоте одержать гарантированную победу в соревнованиях возможно лишь обладая запасом из семидесяти девяти привилегий. Это аукцион на понижение. С шагом в четыре. Это значит, что каждый, кто хочет сражаться за данную судьбу, должен предлагать понижающие ставки, при этом одновременно уменьшая свои шансы на победу, – шептал Эрнест. – Здесь как нигде в другом месте нужно рационально подходить к ставкам. Душа уже, безусловно, сама может принимать решение. Но ее Наставник должен следить за ставками с учетом индивидуального состава молекулы души: кто-то сможет выиграть состязание, обладая нулем привилегий, кто-то сможет победить, вовсе обладая санкциями, а кто-то, даже используя все данные ему привилегии, не сможет одержать победу.

– Ты сказал «санкции»?

– В аукционе есть не только привилегии, ты можешь понижать начальную ставку до тех пор, пока привилегии не станут санкциями. Это произойдет, как только ставки упадут ниже нуля, – быстро пробормотал Эрнест, как будто эта информация вовсе не имела никакого значения. – Хотя регламентом аукциона и предусмотрена подобная возможность, подобных прецедентов никогда не было. Выиграть соревнование и без того сложно – никто не будет лишать себя привилегий. Ведь они дают право на ошибки, подсказки, а санкции усложняют процесс прохождения соревнования, лишая тебя всяческих преимуществ.

– Лот реализован. Ставка 67 против ставки 63! – заявил ведущий аукциона, торги завершились ударом неведомого звука. – Следующий лот...

Я уже не слушал, что говорил ведущий, когда увидел, как с зеленого сектора стали удаляться четверо.

– После того, как объявляются победители торгов, они сразу же приступают к подготовке к соревнованиям, которая, как я уже говорил, проходит на этом же уровне, в тренировочном городке, простирающемся на сотни миль, – Эрнест показал мне, что нам пора идти. – Туда мы с тобой и отправимся.

Пока мы пробирались к выходу, я продолжал осматриваться. Мое внимание не переставало привлекать синий сектор – единственный, в котором было трудно разглядеть присутствующих. Наконец, оказавшись у выхода, я услышал, как только что объявленный лот сняли с торгов.

– Наверняка, постарались Покровители, – Эрнест предвкушал, что я задам этот вопрос, поэтому ответил на него сразу.

– Получается, что на аукционе ты лишь получаешь право на участие в состязании за судьбу, а в самом состязании определяется конечный победитель?

– Именно так, – мой Куратор подошел к небольшому столу, на котором лежала толстая книга. Она состояла, наверное, примерно из четырехсот листов.

– Это утвержденный список лотов на ближайшие два часа, – она открыл ее на середине. – Можешь полистать. Лоты здесь представлены по разделам, чтобы сэкономить время, которого в Юрисдикции небес не хватает так же, как и в земном мире.

– В следующий раз, – я отмахнулся. – Я хочу поскорее в тренировочный городок.

– Как скажешь, Патрик, – Эрнесту, видимо, самому не терпелось поскорее там оказаться.

* * *

Тренировочный городок скорее напоминал тренировочный мегаполис. Меня буквально зажимало со всех сторон. Я, почти отвыкший от шума большого города, сходил с ума от жуткого гула вокруг.

– Здесь шумновато, не находишь?! – выкрикнул Эрнест.

– Чему здесь обучаются?! – меня было еле слышно, поэтому мне тоже ничего не оставалось, как кричать.

– Здесь развивают качества, которые заложены в молекуле души. Сила воли, сообразительность, незаурядность ума, скорость мышления, твердость характера, – перечислял Эрнест, указывая на таблички, висящие над каждым из закрытых залов. – Все это свойства души и характера! На нулевом уровне можно натренировать все что угодно, если натренирована душа!

– Но как тренировать душу без тела?! – я недоумевал.

– Обстоятельствами! – Эрнест, как обычно, не растерялся. – Здесь задают начальные условия, создают искусственные обстоятельства или усиливают влияние естественных. А затем сталкивают неопытную душу с невозможным и маловероятным, показывая, к какому решению она должна прийти.

– К примеру? – спросил я.

– Для тренировки сообразительности и незаурядности ума, перед душой ставят задачу добраться до восьмого уровня, до которого добраться, как ты уже знаешь, не представляется возможным, – усмехнулся Эрнест.

– И в чем же тогда смысл соревнования?

– Смысл в том, чтобы увидеть, какие средства выберут души к достижению поставленной цели, как быстро сдадутся и как будут вести себя, когда поймут, что цель все-таки недостижима, – Эрнест повернул налево, где была огромная очередь. Он подошел к входу и, показав свой пропуск, прошел вне этой очереди. Оказавшись внутри большого зала, в котором шла какая-то лекция, мы заняли место в последнем ряду с краю.

– Здесь проводятся теоретические и практические занятия по манипулированию и овладению навыками использования Вселенского знания, – прошептал Эрнест. – Если ты помнишь, в каждую молекулу души заключают определенную его долю. И доступ к нему крайне непостоянный. Здесь души обучаются быстро вытаскивать из себя ту часть Вселенского знания, которая в них заключена, и подключаться к источнику Всеобщего, а не личного Вселенского знания. Как правило, души, достигая нулевого уровня, эти знания в большинстве своем утрачивают. Но те, кто не спит на этих лекциях, оказавшись на нулевом уровне, обязательно рано

или поздно заинтересуются имеющимися в мире техниками подключения к Всеобщему Вселенскому знанию.

– Техники? – переспросил я.

– Да, – кивнул Эрнест. – На самом деле их не так мало, как нам кажется. Но самая действенная из мне известных – это медитация. Только она позволяет очистить сознание. А для того, чтобы получить самую кроху Вселенского знания, нужно высвободить разум. Поэтому зачастую у людей, практикующих качественную медитацию, меняется и расширяется сознание, появляются новые знания. А если знания и не появляются сами по себе, то людям становится легче их усваивать.

– А я думал, что медитация помогает лишь расслабиться.

– Освоение Вселенских истин – это побочный эффект медитации, – пояснил мне Эрнест.

– Это единственная техника?

– Нет, но самая основная, использование любых других без этой ни к чему не приведет. Вселенское знание поселяется только там, где для него достаточно места. Чем больше человек высвобождает свой разум, тем больше вероятность получения Вселенского знания и тем больше доля, которая будет ему доступна. Зачастую люди не способны усваивать знания просто потому, что для них нет места.

– То есть, чтобы получить новые знания, нужно избавиться от старых, – я усмехнулся.

– Иногда именно так, – подтвердил мне мой Куратор.

* * *

– В этих трех залах обучают использованию так называемого Триединства компасов, – объяснял Эрнест, пока мы проходили по забитому душами холлу.

– Триединству чего? – я протиснулся сквозь толпу душ, которая обручем обвила центр зала.

– Триединство компасов, – повторил Эрнест чуть тише, когда услышал, как зашипел один из коллег, которому пришлось не по душе наша с ним болтовня.

Я не понимал, куда все смотрят до тех пор, пока не увидел, что на полу начертана огромная схема, запутанно-сложная с бесконечным множеством геометрических фигур, символов и цифр.

– Это динамическая схема Триединства компасов, – Эрнест шептал мне на ухо. – Символы на ней имеют свойство меняться, но только в двух единственных случаях.

– Я ничего не понимаю, что за Триединство компасов? – я возмутился неслаженному рассказу Эрнеста.

– Пойдем поднимемся выше, с балкона вид лучше, – он взмыл в воздух, подзабыв, что я еще не совсем овладел подобными навыками. Мне же пришлось воспользоваться лестницей.

Сверху вид был и вправду значительно лучше. Я бы сказал, он буквально меня завораживал.

– Это своеобразная система координат, – Эрнест позволил себе выражаться немного громче. – Триединство образуют три компаса: личный компас души, который будет определен отведенной ей судьбой по итогам соревнования. Второй элемент – компас системы взаимосвязанных душ. Последним, менее динамическим, но самым главным в Триединстве является компас Мироздания, который определяется также картой его судьбы.

Я внимательно слушал и до того, как услышал, что является третьим элементом, я думал, что все понимаю.

– Судьба Мироздания? – переспросил я.

– Ты не первый, кто так удивляется, услышав это словосочетание, – Эрнесту, видимо, не раз приходилось объяснять.

– Мирозданий – бесконечное множество, как утверждает теория Марсея – одного из исследователей Юрисдикции небес, – Эрнест сделал паузу. – Каждому из них отводится своя

собственная судьба. Оно развивается по своему индивидуальному плану. В Юрисдикции небес лишь единицам известна карта нашего Мироздания.

– А что это? – кивнул я головой, показав на центр зала.

– Это первый компас единично взятой души, – Эрнест показал пальцем, видишь точку в системе координат, это и есть душа. Символами компаса отмечены этапы ее жизни. Систему координат образует множество осей – линий судьбы. Они похожи на те, что у нас на руках. Буквы имени, дата и час рождения, даже номер дома и сотового телефона – они определяют график, который образуют линии судьбы.

– Нумерология, – я усмехнулся.

– Верно подмечено! – Эрнест щелкнул пальцами и перед нами на стене появилась проекция того самого компаса, что был в центре зала. – Смотри!

Он снова указал на красную точку.

– Это наша душа. Вот ее место положения на оси координат, сформированной линиями ее судьбы. Построим проекции на оси координат.

Он небрежно провел пальцем, набросав достаточно ровные линии.

– Проекция на линии жизни, судьбы, здоровья, разума, сердца и случайные линии, – Эрнест щелкнул пальцем, увидев, что проекция попала точно в точку символа перевернутого треугольника на линии разума, и рядом появилась расшифровка символов, которую он также листал, пока не нашел перевернутый треугольник. – Перевернутый треугольник – серьезная травма головы.

– Что это значит? – я пытался уловить ход мысли Эрнеста, но тот объяснял слишком быстро.

– Это значит, что у нашей души некоторого рода проблемы со здоровьем. Видишь знаки на линии разума и здоровья? А если посмотреть проекции на случайные линии судьбы – то можно увидеть, что это следствие столкновения с другим человеком, скорее всего драка – трезубец обычно обозначает это.

Эрнест еще раз полистал словарь символов, чтобы убедиться, что он прав.

– Да, драка, – он закрыл словарь взмахом руки. – А теперь построим проекции в трехмерной системе координат с осями времени и пространства.

Очередным легким маневром руки он наложил одну систему на другую и построил проекции на оси абсцисс и ординат.

– А вот и наши волшебные числа, восемь, семнадцать, девять, – Эрнест развел руками. – Понимаешь?

– Нет!

– Драка случилась восьмого сентября в семнадцать часов на Грин Стрит, 9. Последние цифры позвонившего ему накануне телефона 8179.

Я скуксился.

– Магия чисел чрезвычайно сложна, овладеть ей на нулевом уровне практически невозможно, но кто-то рано или поздно сумеет это сделать. И получив эту часть Вселенского знания, человек будет способен управлять всем миром, – Эрнест расхохотался. – А теперь чтобы ты понял смысл Триединства компасов, пройдем во второй зал.

* * *

– А вот и компас взаимосвязанных душ! Впечатляет, не правда ли?

– Сказать, что впечатляет, на самом деле все равно, что промолчать, – я не мог скрыть своего удивления. – Эти красные точки, это все взаимосвязанные души?

– Да, – Эрнест скрестил руки на груди.

– Сколько их здесь? – спросил я.

– Более семнадцати тысяч, – уточнил он. – Обычно бывает больше.

– Семнадцать тысяч? – переспросил я.

– Более семнадцати тысяч, – еще раз повторился Эрнест. – Этот молодой человек изменил жизни более семнадцати тысяч человек или еще изменит.

– Чем же он занимается, черт возьми? Врач? Ученый? – я не унимался.

– Продавец в книжном магазине, – ответил Эрнест. – Не переживай, в твоём компасе взаимосвязанных душ куда больше.

– Сколько же? – спросил я, наблюдая за тем, как на чрезвычайно сложном графике меняли свое местоположение красные точки.

– Сорок три тысячи семьсот сорок семь, если быть совсем точным, – ответил Эрнест. – Хотя в твоём досье указано сорок три тысячи семьсот сорок восемь. Но, видимо, какая-то ошибка. Хотя план и факт, как правило, все-таки совпадают.

– Почему так много?

– Ты не поймешь этого, пока не увидишь само Триединство компасов и всю систему бесконечного множества взаимосвязей и точек пересечения, – Эрнест снова щелкнул пальцами, и на стене появилась маленькая проекция компаса. Он развел пальцами и увеличил масштаб одной части. Небрежно он снова построил какие-то проекции и соединил две системы координат, наложив одну на другую.

– Вот собственно и оппонент нашей души, который оказался восьмого сентября в семнадцать часов на Грин Стрит, 9, – Эрнест указал еще на красную точку. – Дай мне одну секунду.

Он снова щелкнул пальцами, и перед нами появилась еще одна миниатюра – компас души, которую я видел в предыдущем зале. Он свел руки, объединив две компасные системы, и я, наконец, понял какова теория на практике.

– Ну, собственно вдаваться в то, что они между собой не поделили, у нас сейчас особо нет времени, да и без компаса Мироздания определить это все равно невозможно, – он хлопнул в ладони и проекции компасов исчезли.

– В третьем зале – компас Мироздания?

– Да, он самый, но система символов там совершенно иная и засекречена настолько, что кроме того, что она доступна лишь ограниченному числу представителей Юрисдикции небес, я не знаю ничего даже того, кому именно она известна.

– Слишком много тайн в мире, в котором их быть не должно. Я думал, что обо всем узнаю, когда умру, а вместо этого вопросов стало лишь больше.

– Есть восьмой уровень, о котором вообще никто ничего не знает, и даже до сих пор никто не уверен, что он существует, – поправил меня Эрнест. – А тайн здесь и правду хватает.

* * *

На то, чтобы пройти третий зал нам потребовалось больше получаса, компас Мироздания располагался на нескольких уровнях. Символы в компасе на самом деле были иными, нежели в предыдущих двух, их было значительно больше, и они были куда более сложными – напоминали больше не символы, а иероглифы внеземного происхождения, которыми в общем-то они и являлись.

Я шел не спеша, изучая его. Связей в нем было бесконечное множество.

– Кроме системы символов, здесь есть еще одно отличие, при перенесении компаса в привычную систему координат, мы имеем дело не с трехмерной, а многомерной системой, но помимо основных осей – времени и пространства, наименование других осей нам не известно, а потому и не известно их назначение, – пояснил Эрнест.

Перед выходом из зала, я остановился, чтобы еще раз посмотреть и оценить масштабы компаса. Но мой неокрепший после смерти разум никак не мог принять увиденное.

– Целое Мироздание у меня перед глазами, – я качал головой. – Я мог представить, что после смерти узнаю все его тайны, но я предположить не мог, что смогу на него вот так смотреть со стороны.

– Посмотри на масштаб компаса – он тебя впечатлит куда больше, – Эрнест усмехнулся, показав на табличку.

– Сколько здесь нулей?

– Семьдесят три тысячи, – произнес Эрнест.

– Я поверить не могу, – как замороженный я продолжал наблюдать за компасом.

– Ты еще слишком мало прибываешь в Юрисдикции небес, – ответил Эрнест. – Но самое поразительное, что даже когда пройдет время, ты будешь смотреть на это с тем же изумлением, что и сейчас.

– И ты так смотришь?

– И я, – признался Эрнест. – Это будет завораживать меня до тех пор, пока система символов и многомерная система цифровых координат будет сокрыта.

– Я бы ущипнул себя, если бы мог.

– Нам пора идти, – он стал торопить меня. – Самое интересное – впереди.

– Что именно?

– Само Триединство, – пояснил Эрнест...

* * *

Триединство компасов являло собой нечто многомерное и еще более динамическое.

– Если карта судьбы определяет ее формулу, то компасы определяют переменные, которые подставляются в эту формулу, – пояснил Эрнест. – Триединство компасов – это универсальное и, пожалуй, самое главное в арсенале Наставника оружие.

– И как оно используется? – уточнил я.

Эрнест взмыл в воздух, облетая Триединство компасов, которое самое по себе напоминало плоский глобус.

– Мне легче будет показать, нежели объяснять, – он махнул рукой. – В самом упрощенном варианте, Наставник просто изменяет линии судьбы, используя простую производную – меняя направления в компасах, он неизменно меняет положение души в системе координат, а значит и в Триединстве компасов, что в свою очередь ведет и манипулированию судьбой и всем и ее составляющими.

– Производной? – я усмехнулся.

– Да, в Юрисдикции небес действуют законы математики, только применительно к тем предметам, к которым они не применяются в поднебесном уровне, – Эрнест приподнял бровь, ожидая реакции.

– Да здесь все как-то слишком напоминает то, откуда мы сюда прибываем, – я был скептически. – Как будто и сама Юрисдикция небес – не последняя инстанция жизни...

– А это маловероятно, – Куратор усмехнулся. – Ты же сам видишь, не смотря на весь круговорот жизни во всей иерархии уровней Мироздания, основное направление здесь – все же сверху вниз: вектор жизни направлен вниз, а не вверх. Я тебе об этом говорил не раз.

– Да, я помню, – уверил я Эрнеста. Я и вправду старался запоминать все, о чем он мне рассказывал, однако иногда какие-то детали все-таки выпадали из моего сознания, и как мне казалось, это были чрезвычайно важные детали, настолько важные, что у меня появилась идея даже записывать некоторые из них.

– Теперь ты понимаешь, что Наставник души, обладая картой ее судьбы, вооружен компасом, с помощью которого он может задавать так называемые азимуты...

– А это что еще такое? – поинтересовался я, услышав в общем-то знакомое для меня слово.

– Ну, из школьного курса географии ты, наверное, помнишь, что азимут образует угол отклонения от северного направления в компасе, – он сделал паузу. – Так вот, северное направление в обычном компасе все равно, что направление линий на карте судьбы, а углы отклонения от этих линий и есть эти азимуты. А азимуты в свою очередь определяются свободным

выбором, который закладывается в молекулу души. И все это так или иначе связано с производной, которая определяет скорость изменения графика судьбы.

– Я бы поблагодарил тебя за обстоятельное объяснение, но с математикой у меня и в школе, и в университете всегда были проблемы, поэтому едва ли я понял, что ты мне сейчас рассказал.

– В общем-то здесь, как и на любой другой работе не всегда важно понимать, чем обусловлены те или иные внутренние процессы, достаточно лишь понимать, каковы их внешние проявления и каковы твои функции в этих процессах. А рассказываю я тебе обо всем этом лишь потому, что мне так велит учебная программа, – Эрнест скорчил рожу, какую я еще не видел. И по этому выражению его лица я понял, что он и сам был бы рад не объяснять все это.

– В общем, обладая картой судьбы подопечной души, Наставник маневрирует только Триединством компасов, – заключил Эрнест.

– Я понял, как устроено Триединство, и примерную его роль, но совершенно не понял, как его использовать на практике и какое влияние он вообще оказывает, – признался я.

– С помощью него Наставник может менять направления движения точки, то есть души во времени и пространстве, а также и графики самой судьбы, тем самым меняя, устраняя или создавая те или иные обстоятельства, – Эрнест показал мне, чтобы я проследовал за ним. – Хотя судьба и задана заранее, обстоятельства, определяющие ее, более чем просто динамичны, определить их заранее невозможно, – слишком сложно устроена система Мироздания. А как ты и сам видел устройство компаса Мироздания и вовсе доступно ограниченному кругу лиц, о которых никто ничего не знает. Поэтому с помощью Триединства компасов создана система распознавания обстоятельств Мироздания и основанная на этом система генерирования обстоятельств судьбы собственно самой души и всех связанных с ней душ.

– Что значит система распознавания обстоятельств Мироздания? – уточнил я.

– Хотя большинство Наставников не обладают сведениями об устройстве компаса, но со временем у многих из них в процессе наблюдения за Триединством, появляются некие знания, позволяющие распознавать те или иные предпосылки в изменении хода Мироздания, которые окажут влияние и на саму душу. Чем больше опыта у Наставника, тем больше у него накопленных знаний, которыми обычно никто не старается делиться друг с другом.

– Почему?

– Потому что все души связаны, а значит, связаны и их Наставники, – Эрнест присел. – Есть так называемые родственные души, есть души-союзники, а есть души-соперники. Если соперничают души на нулевом уровне, несомненно, соперничать будут и их Наставники в Юрисдикции небес.

– Хм, – промычал я, пока формулировал следующий вопрос. – Так чему обучаются души в этих павильонах? Ведь у них в вооружении нет Триединства компасов. Так в чем же смысл их обучения?

– Здесь обучаются не только души, но и молодые Наставники, которые прошли недавно аттестацию, – пояснил Эрнест.

– Полезность этих знаний для Наставников я как раз понимаю, но зачем подобные знания душам? – я никак не мог справиться со свойственной мне пытливостью ума.

– Любое изменение внутри компаса, как я уже сказал, влечет изменение обстоятельств. Здесь души учат распознавать подобные обстоятельства через знаки, которые всегда появляются в жизни. Это проекции тех или иных точек или векторов на нулевом уровне. Знаки предназначены для того, чтобы зафиксировать положение души на карте судьбы. Это все равно, что на обычной карте отмечать флажками города, в которых ты был. То есть любое внеплановое изменение карты судьбы требует определенной отметки либо во времени, либо в пространстве. Обладая знаниями, которые душам дают семинары по Триединству компасов, душа может уви-

деть предупреждающие, запрещающие или разрешающие сигналы, как на светофоре. Понимаешь?

– Немного...

– Знаки есть повсюду, но распознают их лишь те души, которые не прогуливали эти лекции и научились на семинарах наблюдательности. Души здесь обучаются расшифровывать знаки и делать выводы. Вот собственно и вся полезность подобных знаний, которые пригодятся им уже на следующем уровне, где будут проходить непосредственно сами соревнования.

– Мне не терпится уже взглянуть на них! – несмотря на то, что Эрнест мне уже немного и рассказывал про них, я с трудом представлял, каким образом они проходят.

– Терпение, мы еще много не увидели на этом уровне, – Эрнест охладил мой пыл. – Впереди много интересного, а для тебя еще и полезного.

Я лишь кивнул головой.

* * *

Эрнесту потребовалось куда-то отлучиться, поэтому он велел мне немного отдохнуть и даже разрешил прогуляться по окрестностям. Но без пропуска, который мне еще не успели выдать, поскольку я пока являлся простым Стажером, путь был в основном закрыт. Поэтому я присел и стал наблюдать за суетой, погрузившись в себя.

Я скучал по Лорин. Мне сложно передать словами чувства, которые я испытывал. Мне казалось, что у меня щемит в сердце, но теперь его у меня не было. И скорее всего подобная боль была лишь отголоском памяти моего сознания, расплывавшегося сейчас в воспоминаниях о жизни, которой я лишился по неизвестным для меня причинам. Подумав об этом, я поймал себя на мысли, что происходящее в Юрисдикции небес настолько меня увлекло, что я совсем забыл поинтересоваться, по какой причине я умер, и почему так рано. Я даже ни у кого не спросил про карту своей судьбы. В голове, которой теперь у меня не было так же, как и сердца, я поставил галочку.

– Нужно все-таки все разузнать о себе и своей судьбе, – подумал я и вдруг вздрогнул, от того насколько громко прозвучала моя мысль.

«В Юрисдикции небес другая слышимость. Со временем ты сумеешь слышать даже голос чужих мыслей, который будет звучать ничуть не тише, чем твой собственный голос», – вспомнил я.

– Лорин, – протянул я, вспомнив ее очаровательную улыбку, в которую влюбился в первый же день.

Я заметил интересную закономерность. Чем ниже я спускался, тем чаще я ее вспоминал, тем сильнее была боль от осознания своей смерти.

– Я умер во сне, – думал я про себя.

За смерть без боли я словно расплачивался сейчас, чувствуя жуткое сожаление о том, что моя жизнь внезапно прервалась.

– Чем ближе к нулевому уровню, тем сложнее! – вторгся в мои мысли Эрнест. – Хуже всего на первом, когда провожаешь душу туда, куда сам уже никогда не попадешь.

– Я безумно скучаю по Лорин, – признался я.

– Я понимаю тебя, – он вздохнул. – С понижением уровней, усиливается притяжение к тому, кого ты покинул. А в самом низу и вовсе можно увидеть того, кто у тебя там остался.

– То есть я смогу ее увидеть?! – воскликнул я.

– Да, но лучше этого не делать, так только хуже, – Эрнест отвернулся в сторону. – Я часто хожу туда, чтобы посмотреть на свою малышку.

– Малышка – это?..

– Моя жена, – продолжил он. – Встреча, в которой тебя никто не увидит и не услышит, как бы громко ты не кричал, приносит только страдания. Если они тебе по душе, ты можешь ходить со мной туда каждый третий день.

– Так тебе по душе страдания?

– Без них мне здесь совсем тоскливо, – признался Эрнест. – Я слишком любил свою жизнь, чтобы так же сильно полюбить жизнь после смерти.

– Может, тебе снять с себя полномочия и попросить вернуться обратно?

– А смысл? – ответил Эрнест. – Я вернулся бы только ради нее. А если я ее не увижу, то и возвращаться смысла нет. Я буду ждать ее здесь. И тогда мы вернемся туда вместе...

– Но ведь она может...

– Оказаться в бассейне для душ? – усмехнулся Эрнест. – Пока я буду здесь, этого не случится... Поэтому на нулевой уровень я не тороплюсь.

– Как ее зовут?

– Бриана...

– Красивое имя...

– Не только имя. Она сама настолько очаровательна, что не влюбиться в нее просто невозможно... Если бы я не влюбился в ее улыбку, то обязательно влюбился бы в голос. Если бы я ни разу его не услышал, просто с ума сошел бы от взгляда. Я даже не помню, что так сильно меня покорило...

– Ты словно я, когда встретился с Лорин, – я откинул голову. – Забавно, что когда происходит нечто подобное, это нечто у всех одинаковое. Запоминаешь детали... И казалось бы, самый обыденный момент в твоей жизни становится вдруг самым важным и незабываемым, где бы ты ни оказался.

– Как вы с ней познакомились? – Эрнест поменялся со мной местами, начав задавать вопросы.

– Нас свели общие друзья. В буквальном смысле свели, поэтому наше с Лорин знакомство неожиданным не назовешь. Но могу совершенно точно сказать одно, что тут наши друзья не ошиблись, – я усмехнулся, вспомнив, как на самом деле вначале мы не понравились друг другу.

– Мое знакомство тоже судьбоносным не назовешь. Мы с Брианой познакомились на работе. Она была моим начальником, а потом я ее, – Эрнест тоже решил поделиться своей историей. – Я влюбился сразу, как ее увидел. Хотя... Нет... Я лукавлю... До нашего первого свидания, а это примерно одиннадцать месяцев, она была моей сексуальной фантазией, а после первого же свидания стала смыслом жизни...

– Ого... Одиннадцать месяцев... А ты нерешительный, – я не смог не заметить этого.

– Представляешь, одиннадцать месяцев не мог пригласить ее на свидание, – Эрнест улыбался. – Потом я уволился, и позвонил в первый же день после своего расчета.

– А как же ты стал ее начальником? – вопрос возник сам собой.

– Компания, в которой она работала, была дочерней для той, в которую я впоследствии устроился. Думаю, дальше объяснять не стоит, – Эрнест сделал паузу, а потом вернулся к тому, с чего начали. – Сложно привыкнуть...

– К чему? – спросил я, хотя знал, о чем идет речь.

– Жизнь в Юрисдикции небес несколько не отличается от той, что в поднебесье. И быть здесь в одиночестве все равно, что быть живым и без нее, – признался Эрнест. – Мне так долго ее ждать. Долгие бесконечные минуты, дни, недели... Нам пора дальше, мне есть еще что показать...

* * *

– Это Заповедник ветров, – пояснил Эрнест, когда мы оказались по другую сторону огражденной территории, которая изнутри напоминала нечто вроде Парка Гуэль в Барселоне. – Ветра – это энергии стихий – воды, огня, земли и воздуха. Каждая стихия, как основа жизни, являет собой частицу формулы Мироздания.

– Зачем мы здесь?

– За тем, что стихии несут в себе множество знаний, в большинстве своем никому не доступных. Ты слышал фразу «идеи витают в воздухе»? – спросил он.

– Конечно...

– Так вот это не метафора, – отрезал Эрнест. – Если бы души лучше обучались на семинарах в Заповеднике ветров, то на нулевом уровне болезни лечили бы без лекарств энергией земли, знания получали, пользуясь энергией воды, а не учебниками. Прислушиваясь к энергии воздуха, мы постигали бы таинства Мироздания и собственной судьбы. А энергия огня надеяла бы нас незыблемой силой. Но, к сожалению, эти, как и многие другие знания, полученные в тренировочном лагере, души утрачивают.

– Ты имеешь в виду, что стихии сами по себе обладают всей доступной информацией об устройстве мира?

– Не просто всей доступной, а исчерпывающей. Стихии знают больше, чем мы с тобой и любой из Юрисдикции небес. Вода, земля и воздух лежали у самых истоков Мироздания. Они являют собой его душу, – Эрнест замолчал. – Все что тебе нужно здесь – это просто остановиться, прислушаться к едва слышимым ветрам стихий и всмотреться в невидимое, тогда многое станет для тебя понятней.

Эрнест замолчал, я последовал его примеру. Мы стояли так минут пятнадцать или больше, но я так ничего не услышал и не увидел.

– Извини, но я ничего не слышу, – я не выдержал и нарушил тишину.

– Сейчас это сложно, ты не физическое тело, – Эрнест, кажется, не был удивлен. – Было бы намного легче, если бы ты голыми стопами мог ступить на землю, руками прикоснуться к поверхности воды, спиной ощутить тепло огня, и носом вдохнуть воздух. Вглядевшись и прислушавшись, ты бы непременно услышал музыку ветров...

– Если я не могу этого сделать здесь, в чем смысл занятий?

– Я не сказал, что ты не можешь этого сделать, – Эрнест улыбнулся. – Я сказал, что это сделать сложнее, не обладая физическим телом. Но возможно... Час-два, может, и вовсе несколько дней или недель, возможно даже месяцев, и ты сможешь своей неподвижностью ощутить движение энергии, знаний вокруг. Обладая физическим телом в земном бренном мире, потребуется и того больше времени. Но, только подключив зрение, слух и осязание ко всем четырем стихиям, можно будет понять то, что раньше было не понятно, получить то, что никто не мог дать. Здесь учатся терпению и внимательности. Учатся слышать и распознавать музыку ветров, которая олицетворяет собой музыку сокрытых знаний и грядущих событий...

Эрнест велел мне попробовать еще раз, оставив меня наедине с собой на целых семь часов, три из которых я бродил внутри парка. Здесь все и вправду напоминало заповедник. В буквальном смысле не тронутая никем красота расцветала и благоухала. Мне даже показалось, что я лишенный обаяния почувствовал великолепный аромат мерцающих и распахивающих свои бутоны цветов.

– Такая гармония, – подумал я про себя, увидев пейзаж, который от всего остального отличала некая симметричность и равновесие.

Водопад, небольшой по меркам Юрисдикции небес, высотой с семьсот метров, ронял воду в чашу, которую образовал небольшой вогнутый островок земли. Огонь горел прямо на воде, которой была наполнена эта цветущая чаша, а легкий дискретный ветер вытесывал на пламени орнаменты и узоры. Нигде во всем парке не было такого изобилия жизни, как на этом маленьком островке, в котором слились все стихии. Жизнь словно тянулась туда, где было единство и равновесие. Я подошел ближе и, сконцентрировавшись, в первый раз взмыл в воздух, чтобы оказаться частью всей этой идиллии.

Я всмотрелся сквозь окружающее меня, вслушался в тишину и прикоснулся к пустоте, как говорил Эрнест. Так я провел три часа. Будь у меня тело, скорее всего мне бы давно уже свело руку или ногу. Но я ничего не чувствовал, не слышал, не ощущал.

Я старался изо всех сил, и только через три часа я понял, что это и было главной моей ошибкой. Я вспомнил другой урок Эрнеста, который говорил мне, что нужно высвободить разум. И как только я решил пойти от обратного, я услышал эту волшебную мелодию, но эта была не музыка ветров. Это была та самая мелодия, отголоски которой, скорее всего, доносились с седьмого уровня.

– Никакой шумоизоляции между уровнями, – пошутил Эрнест.

Он хотел сказать еще что-то, но не успел – небо над нами вспыхнуло точечными цветными огоньками, не так ярко, как это было на седьмом небе, но все также завораживающе.

– Я второй раз уже вижу нечто подобное, – признался я.

– Я видел это сотни раз и до сих пор не знаю, что это, – Эрнест ответил прежде, чем я задал свой вопрос.

– И никто не знает, – прошептал я разочарованно...

– Увы, это так...

Он куда-то торопился, поэтому мы тут же поспешили к выходу из Заповедника.

– Куда мы спешим? – поинтересовался я.

– Через десять минут начинаются соревнования, я хочу, чтобы ты увидел все воочию, – Эрнест пошел в противоположную сторону от выхода. – Нам придется немного сократить путь, от тренировочного городка до соревновательного пути несколько десятков миль.

– Соревновательный путь? – я переспросил.

– Ну, или соревновательная трасса с испытаниями, – он любезно пояснил мне, пока мы неслись через заповедную равнину. – Скоро ты сам все увидишь.

Иногда Эрнест интриговал своей немногословностью, и сейчас я предпочитал потерпеть и не допытывать его своими расспросами.

* * *

Тренировочный лагерь оставался позади, а звуки, сопровождающие соревнования, становились сильнее. Мы спешили прямо к голосам. Я услышал, как объявили лоты, имена участников и Наставников, сделанные ставки, привилегии и санкции.

– Мы опоздали? – поинтересовался я, когда услышал гонг, который ознаменовал начало соревнования.

– Участников запускают по порядку лотов каждые три минуты, – Эрнест пояснил. – Но меня интересует лот судьбы номер 117 и никакой другой.

– Почему именно он?

– Потому что от этого лота будет зависеть судьба моей сестры... И я совершенно точно знаю, кого буду поддерживать.

– Ничего себе! – воскликнул я. Одно дело слышать, как все может происходить в теории, совершенно другое дело – наблюдать, как происходит все в действительности.

– Ты Наставник чей-то души? – предположил я.

– Я Куратор для стажеров типа тебя. Это и есть моя квалификация. Вот почему я сейчас с тобой, а не на соревнованиях. Я не могу заниматься наставничеством души, у меня нет на это полномочий...

Наконец, мы прибыли к месту назначения. На входе нас встречал некто, кто потребовал от нас пригласительные пропуска.

– У нас спецпропуск, – Эрнест ткнул им в лицо, чтобы нас скорее пропустили.

Увидев одобрительный кивок встречающего, он поспешил к дверям, которые сиюминутно разомкнулись перед нами.

То, что я увидел внутри, ни с чем нельзя было сравнить. Огромный стадион, овальной формы простирался на несколько миль вперед и напоминал вытянутый эллипсоподобный колизей. Все места были заняты, толкучка была такой, что нельзя было протиснуться.

– Кто это такие? – спросил я, указав на зрительские места.

– Все те же участники – Покровители, Наставники, Наблюдатели, – перечислил Эрнест. Пораженный количеством зрителей, я не заметил самого главного, а именно того, что творилось на самой арене.

– Соревновательный путь состоит из семи этапов, – объяснял Эрнест, расталкивая толпу наблюдателей.

– Что это такое? – спросил я, указав на вращающиеся в воздухе фигуры, внутри которых, казалось, вместе с душой помещались целые вселенные. – Это соревновательные многогранники – кубы, призмы и пирамиды. Они эмитируют условия, в которых душа должна принимать те или иные решения. Чем больше граней в многограннике, тем сложнее задание. На первом этапе соревнование проходит по вертикали, душа движется снизу вверх. Если испытание пройдено успешно, многогранник перемещается вверх на один уровень, количество граней увеличивается, задание усложняется. И так, пока не будет достигнут верхний уровень. По мере успешного прохождения задания, душа зарабатывает бонусы, которые потом можно обменять на привилегии по установленному курсу конвертации. Если этап не пройден, грани многогранника раскрываются, сталкивая душу вниз. ...

– А что будет потом, когда многогранник столкнет душу? – спросил я.

– Этого не произойдет, пока у души будут привилегии. Стоимость ошибки определяется уровнем сложности задания. На первом уровне, как правило, одна ошибка стоит пяти привилегий, с каждым следующим уровнем цена ошибки растет. И так, пока баланс души не достигнет нуля. Если грани многогранника раскроются, душа выбывает из соревнования, а ее соперник досрочно признается победителем. Однако душе могут установить так называемый лимит санкций – своеобразный кредит, по которому придется расплачиваться на следующих этапах, зарабатывая привилегии и погашая ими выбранный лимит.

– И кто устанавливает лимит санкций? – поинтересовался я.

– Банк Юрисдикции небес, – Эрнест сказал это как само собой разумеющееся, и я постеснялся задавать вопрос о самом Банке, поэтому решил задать другой:

– А что если вместо привилегий у души изначально в распоряжении санкции?

– Это значит лишь одно – душа не имеет право на ошибку. А испытания с первого же уровня сложнее, чем у соперника, – Эрнест еще что-то хотел сказать, но его что-то отвлекло.

Он услышал, как объявляют лот 117.

– Пол – мужчина. Призвание – врач. Профессия – врач-нейрохирург. Личность – выдающаяся, успешная. Будет рожден в семье педагогов, которые смогут дать самое лучшее образование. В двадцать девять лет сделает сложнейшую операцию, после чего карьера стремительно пойдет в гору. В тридцать семь лет возможна врачебная ошибка, цена которой будет жизнь юной девушки.

Сначала я внимательно слушал описание лота, но потом происходящее на арене меня настолько отвлекло, что голос оратора слился с толпой. Едва ли я мог представить, что когда-то увижу подобное множество сценариев. Внутри многогранников протекала целая жизнь, подобная той, которая даруется душе по итогу прохождения соревнования. То, за чем я так пристально теперь наблюдал, напоминало мне одновременно казино, рулетку, карусель и олимпиаду. Мне казалось, что я просматриваю короткометражные фильмы, которые являются частью одного большого кино...

– Ставки 97 против 78, – голос за ареной вернул меня обратно к лоту номер 117.

Многогранники постоянно находились в движении, они вращались, поднимались наверх, менялись местами, иногда даже сталкивались. Мне казалось, как будто кто-то невидимый ими жонглирует. словно само Мироздание баловалось, то подбрасывая их наверх, то роняя вниз.

Я заметил, как внутри многогранников стремительно меняется время.

– Внутри каждого соревновательного элемента время протекает несколько иначе – намного быстрее, нежели здесь. Душа, помещенная внутрь многогранника, на самом деле про-

живает от нескольких часов, до нескольких лет, в поисках решения поставленных задач. Вращаясь, многогранники приводят время, переживаемое каждой душой, к единому знаменателю. Таким образом, скорость вращения каждого из них определяет, кто быстрее проходит то или иное испытание. Чем медленней вращается многогранник, тем быстрее душа находит верное решение, – Эрнест прислушивался к моим мыслям, поэтому теперь его ответ часто стал опережать мой вопрос. – То есть существует, как минимум три режима времени...

Все это он говорил мне, пристально уставившись на пьедестал, на котором готовили две души к сто семнадцатому соревновательному пути. Определить, какие души за какой соревнуются лот, было довольно легко: номер соревновательного пути совпадал с номером объявленного лота, а имя души с количеством данных привилегий. Ко всему прочему, сам многогранник был отмечен номером лота.

– И кому ты отдаешь свое предпочтение? – мне стало любопытно.

– За номер 78, – даже не обдумывая, ответил Эрнест.

– Почему?

– Потому, обладатель меньших привилегий всегда борется с большей самоотдачей. А побеждающий с большей самоотдачей, впоследствии, с большей ответственностью относится ко всему, что делает, а потому способен совершать великие дела...

– А мне кажется, в подобном выборе маловато ставить на количество привилегий, – я проворчал. – А судить по поступкам душу возможности нет...

– Я не ставлю только на количество привилегий. Я видел формулу души каждого из участников, поэтому с вероятностью в девяносто семь процентов могу предсказать, каковы будут и поступки, – Эрнест опирался на свой опыт, с которым мне как новичку сложно было спорить. – Сейчас ты все увидишь сам...

* * *

Души заняли свои места в многогранниках, а мы с Эрнестом свои в зрительском зале. Наставники давали свои последние напутствия подопечным, которые отправлялись в соревновательный путь. А я в это время внимательно изучал самих зрителей, разглядывая полупустой сектор Покровителей.

– Что за напасть! – воскликнул сдержанный Эрнест, когда семьдесят восьмой номер потерял еще девять привилегий, оставшись на не пройденном первом этапе всего с тридцатью тремя.

– Кажется, я знаю, чьи грани скоро разомкнуться, – я начал накалять напряжение, чтобы увидеть, как изменится Эрнест, но он сделал вид, что ничего не услышал.

– Почему соревнующимся душам не дают имена? – вопрос возник неожиданно для меня самого.

– Душу нарекают именем позднее, – Эрнест отвечал, покачивая головой.

– Когда позднее?

– Когда будет пройдено последнее испытание, – Эрнесту явно не нравилось то, что происходило сейчас на арене. – Нельзя же растрачивать все привилегии на первом же этапе!

– Твой фаворит оказался не столь рациональным и ответственным, как ты полагал, – язвительно заметил я, наблюдая за тем, как семьдесят восьмой номер проваливает одно испытание за другим, лишая себя привилегий.

– Он справится, – Эрнест стиснул зубы, услышав, как объявили первую санкцию, которая отправилась семьдесят восьмому номеру, когда баланс его привилегий обнулится.

Я замер в ожидании того, как разомкнутся грани восьмиугольной призмы, но вместо этого увидел, как на счетчике загорелось дополнительное табло.

– Участнику сто семнадцатого соревновательного пути под номером 78 активирован лимит санкций. Ваш баланс составляет тридцать семь санкций.

– Мне одному кажется, что расклад соревнования очевиден? – я усмехнулся. – Почему этот лот судьбы так для тебя важен?

Эрнест молчал, демонстрируя пренебрежение то ли к моему любопытству, то ли к заданному мной вопросу.

– И все-таки я был бы не против узнать, почему тебя так интересует, кто станет обладателем этого лота? – я был настойчив.

– Я тебе говорил, это связано с моей сестрой, – Эрнест не отрывал своего взгляда от счетчика, который навязчиво менял свои показания.

– Да я это прекрасно помню, но я не понимаю как, – я требовал, чтобы Эрнест утолил жажду моего пытливого ума.

Он повернулся ко мне и пристально посмотрел сквозь меня и мои мысли. Ему как будто надо было убедиться в чем-то, прежде чем он ответил.

– В сорок два года у Миранды, так зовут мою сестру, потребуется срочная операция на головном мозге. Операцию будет проводить доктор, обладатель сто семнадцатого лота судьбы. Врачебная ошибка, которую сулит ему судьба в тридцать семь лет, может стоить моей сестре жизни.

– И ты думаешь, тот, кто так легко обратил привилегии в санкции на первом же этапе – достойный кандидат на роль доктора, который будет делать операцию на головном мозге твоей сестре?

– Да, он единственный, кто сможет не допустить врачебной ошибки вопреки судьбе, – Эрнест настаивал на своем.

В тот момент мне показалось, что он обладает каким-то недоступным мне знанием, позволяющим ему делать подобные выводы и вверять судьбу своей сестры душе под номером 78, делая совершенно нерациональный выбор. Я сделал в своем разуме заметку, и поставив в сознании очередную галочку, тут же забыл о промелькнувшей мысли, оставив ее блуждающей в поверхностных глубинах моего подсознания в поисках логики и скрытого смысла.

– Наконец, следующий этап, – выдохнул Эрнест. – Лучше занять места немного дальше...

– Уже второй этап?

– Да, горизонтальный... Нам лучше пройти немного вперед...

– Вертикальный, горизонтальный, – я немного злился. Эрнест, отвлеченный интересующим его соревнованием, совсем забывал мне рассказывать суть каждого этапа.

– Вертикальные испытания проводятся, как ты уже заметил, без ограничения во времени. Их итоги не только влияют на результаты всего соревнования, они определяют, насколько велики будут успехи человека, как долго он будет к ним идти, сколько он сможет продержаться на вершине своего успеха и сможет ли подняться, если судьба «уронит» его вниз. Собственно в этом весь смысл первого этапа соревновательного пути, – мой Куратор, наконец, остановился, увидев свободные места.

– А горизонтальные?

– Горизонтальные испытания немногим отличаются от вертикальных, разве что характером задач и ограничением во времени. Время – есть плата за возможности. Шансы в жизни большие и малые отводятся всегда строго в определенное время. В Юрисдикции небес неизменно правило – возможность сгорает вместе со временем. Кто бы ни предоставил душе возможность, будь это само Мироздание, Наставник или Покровитель, он обязан ограничить время – секундами, минутами, иногда месяцами и годами. По завершении этого этапа определяется, какими возможностями воспользуется душа, как она воспользуется и сколько подобных возможностей она упустит.

– Ты хочешь сказать, что итоги испытаний так или иначе будут вписаны...

– Вписаны в карту судьбы, – продолжил за меня мысль Эрнест.

– То есть иногда выбор сделан задолго до того, как его нужно сделать... И сделан нами самими, – заключил я из всего услышанного.

– Именно так, – подтвердил он и снова мысленно растворился в соревновании. – Что же он такое делает?!

Участник, за которого так болел Эрнест, продолжал растрачивать свой кредитный лимит ошибок, не успевая решать задачи в установленное время. Не трудно было заметить, на чей стороне было преимущество в этом поединке, но, несмотря на количество допущенных ошибок и сотни упущенных возможностей, мой Куратор настойчиво поддерживал участника под номером 78. И я почти вернулся к той мысли, напротив которой мой разум поставил жирную галочку, как вдруг меня отвлек голос комментирующего соревнование, который досрочно начал объявлять победителей. Но что еще больше привлекло мое внимание, так это тот факт, что даже после признания победителем, эти самые фавориты продолжали соревновательный путь, но уже в одиночку.

– Почему они продолжают соревнование? – я совершенно нечаянно задал этот вопрос вслух.

– За тем, что участник с момента признания его победителем должен пройти до конца все испытания, потому что с того самого момента, когда он стал обладателем судьбы, за которую боролся, соревновательный путь становится ее частью, – Эрнест замер на мгновение, после чего торжественно провозгласил. – Я знал, что ты сможешь!

Показания счетчика сто семнадцатого соревновательного пути, наконец, изменились. Отрицательный баланс участника под номером 78, перешагнув нулевой порог, стал стремительно пополняться бонусами.

– Впереди самое сложное, – Эрнест слегка нервничал. – Испытание Триединства компасов.

– В чем его суть?

– Как правило, здесь решаются задачи двух уровней по степени сложности. Сначала, задаются начальные условия – к примеру, время, место, обстоятельства, а задача участника найти так называемую неизвестную переменную – определить событие, его судьбоносность или соприкасающуюся душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.